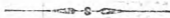

Князь Петръ Кропоткинъ.

СОСТАВИЛЪ
В. Ф. Цѣховскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

Слову «анархистъ» не повезло среди большой публики. Съ нимъ обыкновенно соединяють понятіе о человѣкѣ, полномъ разрушительныхъ стремленій—живой угрозѣ порядку и культурѣ.

У одного изъ французскихъ живописцевъ есть картина, которая отлично символизируетъ общеходячее представленіе объ анархизмѣ: у вестибюля великолѣпнаго зданія,—не то храма, не то музея, — виднѣется мрачная фигура, рѣшительнымъ движеніемъ подымающая бомбу. Мигъ — и отъ зданія, надъ которымъ трудились цѣлыя поколѣнія, не останется ничего. Новый варваръ безъ сожалѣнія уничтожаетъ все...

Исключительно такое пониманіе анархизма и анархистовъ не представляется правильнымъ. Анархизмъ, какъ философская система, не только чуждается насилія, но и выступаетъ принципиальнымъ противникомъ всякаго принужденія. Поэтому анархизмъ враждебенъ, на примѣръ, социализму, практическое осуществленіе котораго безъ принужденія не мыслимо. Анархисты такого типа вѣрятъ въ побѣду своего ученія мирнымъ путемъ, изъ своей тактики безусловно исключаютъ терроръ. Обыкновенно, говоря объ анархизмѣ, публика не имѣетъ въ виду подобныхъ мирныхъ его теоретиковъ-философовъ и исключительно разумѣетъ анархистовъ второй категоріи, объявившихъ не идейную, а дѣйственную борьбу всему существующему строю.

Князь Кропоткинъ, біографіи котораго посвященъ предлагаемый вниманію читателей выпускъ «Исторической Библіотеки», принадлежитъ къ числу идеологовъ анархизма, какъ политико-философскаго построенія.

Самъ онъ—гуманистъ, восторженный мечтатель и человѣкъ, сурово-отрицательно относящійся къ насилію. Естественно онъ не имѣетъ ничего общаго съ такими анархистами, которыхъ Ломброзо совершенно справедливо причисляетъ къ преступнымъ выродкамъ человѣчества.

Анархисты послѣдняго типа отнюдь не могутъ интересоваться того, кто хочетъ прослѣдить ростъ политическихъ идей въ русскомъ обществѣ: съ политикой они не имѣютъ ничего общаго и пользуются ея флагомъ, какъ пираты—не по праву, а съ цѣлью лишь прикрыть разбойничьи нападенія, которыя отъ того не переставали быть разбойничьими.

Дѣтство. — Семейство кн. Кропоткиныхъ. — Николай I въ Москвѣ. — Пажескій корпусъ. — Столкновение съ Жлардомъ. — «Революціонная Газета». — Производство въ фельдфебели. — Поѣздка въ Восточную Сибирь. — Б. К. Букель. — Проекты реформъ въ Сибири и ихъ судьба.

Занимавшій въ ряду пропагандистовъ семидесятыхъ годовъ одно изъ первыхъ мѣстъ князе Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ происходилъ изъ той же среды, въ которой родился и возмужалъ Герценъ, изъ московской дворянской семьи. Въ его время въ салонахъ Первопрестольной ужъ не гремѣлъ Чаадаевъ, не сіялъ Орловъ. Глядя съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и тайной завистью на пеструю толпу, занявшую высшія правительственныя должности на берегахъ Невы, дворяне медленно вымирали. Въ молодые годы большинство изъ нихъ пытало счастье на службѣ, но, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, скорѣ оставляло ее, не добравшись до высокихъ чиновъ, и поселялось на Старой Конюшенной, въ Москвѣ, на покоѣ или удалялось въ свои подмосковныя имѣнія. Въ ихъ деревянныхъ, одноэтажныхъ домахъ, съ ярко-зелеными желѣзными крышами, со дворами, обстроенными кухнями, конюшнями, сараями, погребами и людскими, жизнь текла тихо и спокойно.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ родился въ 1842 году и провелъ первыя пятнадцать лѣтъ жизни кн. П. Кропоткинъ. Его отецъ, по собственному признанію кн. Кропоткина, былъ типичный николаевскій офицеръ, обожалъ мундиръ и презиралъ штатское платье. Онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Турціей въ 1828 году, но въ битвахъ не участвовалъ, что ему не помѣшало получить Анну съ мечами и золотую саблю за храбрость. Семейное преданіе гласило, что однажды въ турецкой деревнѣ, гдѣ квартировалъ штабъ, въ которомъ служилъ отецъ кн. Кропоткина, вспыхнулъ пожаръ. Огонь въ одно мгновеніе охватилъ дома, въ одномъ изъ которыхъ находился ребенокъ. Его мать рыдала въ отчаяніи, но тутъ крѣпостной человѣкъ, сопровождавшій кн. Кропоткина, Фроль, бросился въ огонь и извлекъ ребенка. Главнокомандующій, на глазахъ котораго происходила эта сцена, тутъ же наградилъ крестомъ за храбрость... кн. Кропоткина. Послѣдній принималъ также участіе въ польской кампаніи 1831 года, и въ Варшавѣ познакомился и влюбился въ дочь корпуснаго командира Сулимы. Свадьбу отпраздновали торжественно въ Лазенковскомъ дворцѣ, и посаженнымъ отцомъ со стороны невесты былъ Паскевичъ.

Впрочемъ, княгиня Кропоткина, урожденная Сулима, прожила недолго и умерла на 35-мъ году, въ 1846 году, когда Петру, младшему изъ дѣтей, было всего три съ половиною года. Всего послѣ нея осталось четверо дѣтей: три сына, Николай, Александръ и Петръ, и дочь Елена. Мать кн. Кропоткина была женщина замѣчательная. Талантливая художница оставила много акварелей, которыя писала съ увлеченіемъ, дневники, въ которыхъ описывала красоту природы Германіи и говорила о своихъ печаляхъ и жа-

ждѣ счастья, тетради, съ запрещенными русскими стихотвореніями и въ томъ числѣ «Думами» Рылѣева. Она была очень весела, жизнерадостна и очень любила танцы, что даже было причиною ея смерти, такъ какъ она простудилась послѣ бала, заболѣла воспаленіемъ легкихъ и умерла отъ чахотки.

Кн. Кропоткинъ унаслѣдовалъ, быть можетъ, послѣ матери литературные таланты и артистическія наклонности, хотя онъ самъ допускалъ возможность, что они достались ему въ наслѣдство отъ бабушки, урожденной княжны Гагариной. Отличалась-ли она литературными вкусами, — неизвѣстно, но ея братъ былъ страстный любитель сцены, завелъ собственный театръ и даже женился на крѣпостной, артисткѣ Семеновой, родоначальницѣ реальной драматической школы въ Россіи. Все поколѣніе семьи кн. Кропоткиныхъ, происходившее отъ кн. Гагариной, проявляло склонность къ литературѣ. Одинъ изъ ея сыновей писалъ стихи и даже издалъ цѣлую книжку. Родной и двоюродные братья кн. П. Кропоткина тоже принимали участіе въ литературѣ.

Дѣдъ будущаго революціонера служилъ на военной службѣ и въ 1812 году, во главѣ Кирасирскаго полка, врѣзался въ каре французовъ, несмотря на щетину штыковъ. Его считали убитымъ и оставили на полѣ сраженія. Онъ, однако, оправился, занялъ затѣмъ видное служебное положеніе, но не поладилъ съ Аракчеевымъ, въ виду чего его отправили въ своего рода почетную ссылку генераль-губернаторомъ сначала Восточной, а потомъ и Западной Сибири. Вообще, родъ кн. Кропоткиныхъ, хотя и не отличался особеннымъ богатствомъ, но у отца кн. Кропоткина было еще 1,200 душъ, то-есть весьма порядочное состояніе. Родъ Кропоткина ведетъ свое начало

отъ Ростислава Мстиславича Удалого и князей Смоленскихъ.

Рано лишившись матери, кн. Кропоткинъ съ братомъ воспитывались сначала на попеченіи нѣмки, г-жи Бурманъ, затѣмъ, послѣ того, какъ отецъ женился вторично, гувернера, француза Пулена. Русскому языку, ариѳметикѣ, исторіи ихъ обучалъ студентъ московскаго университета Смирновъ. На восьмомъ году жизни кн. Кропоткина произошло событіе. Въ Москву пріѣхалъ императоръ Николай, и дворянство устроило въ его честь костюмированный балъ. Жена виленскаго генераль-губернатора Назимова должна была изображать персидскую царевну, и ее долженъ былъ сопровождать ея десятилѣтній сынъ, тоже въ персидскомъ костюмѣ, но мальчикъ заболѣлъ за нѣсколько дней до бала. Такъ какъ Назимова была въ большой дружбѣ съ мачихою кн. Кропоткина, и притомъ персидскій костюмъ ему оказался какъ разъ въ пору, то онъ и замѣнилъ на праздникъ молодого Назимова. Мальчикъ въ персидскомъ костюмѣ обратилъ на себя вниманіе императора, и онъ пожелалъ посмотреть его поближе. Князь Гагаринъ поднялъ мальчика и поставилъ его передъ императоромъ, который взялъ его за руку, подвелъ къ женѣ наследника, Маріи Александровнѣ, которая тогда ждала третьяго ребенка, и сказалъ ей: «Вотъ какихъ молодцовъ мнѣ нужно!» Результатомъ этого бала было назначеніе кн. Кропоткина пажемъ.

Онъ поступилъ въ Пажескій корпусъ только въ 1857 г., пятнадцати лѣтъ отъ роду, и до этого учился въ московской гимназіи, причемъ его образованіемъ руководилъ исключительно Смирновъ. Это былъ молодой челбвѣкъ, съ развитымъ литературнымъ вкусомъ, съумѣвшій привить литературныя наклонности у своихъ

учениковъ. Александръ Кротокинъ съ малолѣтства сталъ сочинять стихи. Петръ издавалъ ежедневную газету, а затѣмъ и журналъ, который пользовался большимъ успѣхомъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ учился А. Кротокинъ.

Пажескій корпусъ, куда поступилъ П. Кротокинъ, служилъ самою надежною ступенью къ карьерѣ. Окончившіе его выпускались въ любой по выбору полкъ, гвардейскій или армейскій. Ежегодно первые шестнадцать учениковъ старшаго класса назначались камеръ-пажами къ различнымъ членамъ императорской фамилии: императору, императрицѣ, великимъ князьямъ и княжнамъ. Это считалось большою честью, и, кромѣ того, молодые люди становились извѣстными при дворѣ и имѣли возможность попасть въ адъютанты къ императору или къ одному изъ великихъ князей.

Поэтому всѣ папеньки и маменьки, имѣвшіе связи при дворѣ, старались изо всѣхъ силъ пристроить своихъ дѣтей въ корпусъ, но это удавалось немногимъ, такъ какъ тамъ воспитывалось только 150 мальчиковъ, и вакансій было мало. Кн. Кротокинъ держалъ экзаменъ въ четвертый классъ корпуса, но на испытаніи обнаружилъ недостаточное знакомство съ десятичными дробями и былъ принятъ только въ пятый, низшій классъ, что его огорчило.

Въ корпусѣ онъ привыкъ выучивать уроки въ классѣ, прислушиваясь къ объясненіямъ учителей, и у него оставалось достаточно времени читать и писать, сколько душѣ угодно. Къ экзаменамъ К. никогда не готовился и во время, назначенное для подготовки, читалъ обыкновенно товарищамъ вслухъ Островскаго или Шекспира.

Впрочемъ, вліяніе духа времени обнаружилось вскорѣ и въ кадетскомъ корпусѣ. Пажи стали серьезно учиться, улучшилась и моральная атмос-

Фера заведенія, попытка воскресить былыя традиціи заведенія закончилась скандаломъ, о которомъ стали говорить даже въ петербургскихъ гостиныхъ. Жирардотъ долженъ былъ выйти въ отставку. Начались другіе порядки. Въ учителя математики былъ приглашенъ замѣчательный педагогъ Сухонинъ, при которомъ весь классъ сразу пристрастился къ математикѣ. Сухонинъ преподавалъ также математику наслѣднику, Николаю Александровичу, и послѣдній прїѣзжалъ въ корпусъ разъ въ недѣлю на уроки алгебры; наслѣдникъ сидѣлъ на одной скамьѣ вмѣстѣ съ другими и, какъ всѣ, отвѣчалъ на вопросы, но большею частью во время урока или рисовалъ, или рассказывалъ шепотомъ сосѣдямъ смѣшныя исторіи. Въ преподаватели русскаго языка былъ приглашенъ профессоръ Классовскій, нѣмецкаго—Беккеръ. Это были замѣчательные педагоги, изъ которыхъ первый имѣлъ громадное вліяніе на развитіе кн. Кропоткина.

Вообще преподаваніе въ Пажескомъ корпусѣ было поставлено хорошо. Оно носило конкретный характеръ. Только воспитанники познакомились теоретически съ элементарной геометріей и они тотчасъ же примѣнили ее въ полѣ при помощи вѣхъ, землемѣрной цѣпи, астролябіи, компаса и мензуры.

Та же система послѣдняго преподаванія примѣнялась при изученіи фортификаціи и другихъ наукъ. Для пажей былъ всегда открытъ доступъ на казенныя фабрики и заводы: литейныя, хрустальныя, гранильныя и т. д., они имѣли возможность изучать машины и разные предметы, интересовавшіе ихъ. Лѣтомъ имъ давали бусоль и говорили: «Снимите планъ этого озера или парка съ его дорогами. Измѣряйте углы бусолью, а разстояніе шагами». И юноша, набивъ карманы ломтями чернаго хлѣба, отправлялся

рано утромъ на четыре-пять часовъ за нѣсколь-
ко верстъ въ паркѣ, набрасывалъ на планъ пре-
красныя, тѣнистыя дороги, ручьи и озера. Пажи
упражнялись въ возведеніи въ настоящую вели-
чину частей укрѣпленій, возводили въ полѣ раз-
рѣзы бастиона или сложнаго мостового укрѣ-
пленія.

Кн. Кропоткинъ вынесъ изъ корпуса основа-
тельные познанія по математикѣ и естествен-
нымъ наукамъ. Программа корпуса была, вооб-
ще, весьма обширная. Кромѣ общеобразователь-
ныхъ предметовъ, тамъ читалась исторія законо-
вѣдѣнія, политической экономіи и сравнительной
статистики и громаднѣйшіе курсы военныхъ
наукъ: тактики, военной исторіи, артиллеріи и
полевой фортификаціи, но, благодаря хорошему
знакомству съ математикой и физикой, которое
приобрѣталось въ младшихъ классахъ, воспитан-
ники справлялись удовлетворительно съ програм-
мой, несмотря на ея разнообразіе.

Кн. Кропоткинъ познакомился впервые съ ре-
волюціонной литературой въ домѣ своей тетки,
княгини Мирской, гдѣ получалась «Полярная
Звѣзда» Герцена. Подъ вліяніемъ этого чтенія
онъ самъ сталъ издавать революціонную газету.
Въ ней онъ доказывалъ необходимость конститу-
ціи для Россіи, говорилъ о злоупотребленіи чинов-
никовъ и т. д. Свою газету кн. Кропоткинъ пере-
писалъ въ трехъ экземплярахъ и подсунулъ ихъ
въ столы товарищамъ старшихъ классовъ, кото-
рые, по его соображеніямъ, должны были инте-
ресоваться общественными дѣлами.

Послѣ «выхода въ свѣтъ» второго номера, къ
кн. Кропоткину явились двое изъ его читателей,
сказали ему, что они совершенно съ нимъ соглас-
ны, предложили ему дружбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ,
стали убѣждать его бросить изданіе, такъ какъ,
если станетъ извѣстно, что существуетъ подоб-

ная газета, то послѣдствія этого будутъ ужасны для всѣхъ.

Кн. Кропоткинъ послушалъ своихъ товарищей и прекратилъ изданіе, но со своими читателями онъ сохранилъ лучшія отношенія. Они много читали и обсуждали различные вопросы. Кн. Кропоткинъ учился, вообще, прекрасно, обыкновенно считался первымъ ученикомъ, въ бытность же свою въ старшемъ классѣ удостоился высокой чести, — былъ произведенъ въ фельдфебели корпуса. Въ кругъ его обязанностей входило, между прочимъ, каждое воскресенье докладывать императору, что «по ротѣ Пажескаго корпуса все обстоитъ благополучно», ходить за императоромъ во время придворныхъ баловъ и т. д. Строгий этикетъ, блестящая обстановка двора въ первое время производили большое впечатлѣніе на молодого камеръ-пажа, но затѣмъ онъ убѣдился, что всѣ эти мелочи, церемоніи, процессіи до такой степени поглощаютъ вниманіе всѣхъ, что препятствуютъ видѣть явленія первой важности, что изъ-за театральности часто забывается дѣйствительность.

По окончаніи курса пажамъ предоставлялось право поступать въ любой гвардейскій полкъ съ первымъ чиномъ или въ армейскій съ чиномъ поручика. Пажи по преимуществу избирали гвардейскіе полки: Кирасирскій, Преображенскій, Конную гвардію, а потому всѣ были поражены, когда кн. Кропоткинъ заявилъ о своемъ желаніи поступить на службу въ Примурскій край. Начальство сочло сначала это заявленіе за шутку, отецъ прислалъ телеграмму, въ которой сообщилъ, что запрещаетъ ему ѣхать въ Сибирь, но кн. Кропоткинъ осуществилъ свое желаніе.

Въ сущности, онъ питалъ отвращеніе къ военной службѣ и мечталъ о поступленіи въ университетъ. Проф. Классовскій поощрялъ это намѣре-

ніе и давалъ ему даже уроки латинскаго языка, но камеръ-кадетъ-пажъ прекрасно понималъ, что поступить въ университетъ значитъ окончательно порвать съ отцомъ. При этомъ у него не было никакихъ средствъ даже на первоначальное обзаведеніе, наемъ квартиры, покушку платья. Такъ какъ на поступленіе въ университетъ не было надежды, то онъ сначала думалъ о поступленіи въ артиллерійскую академію, но оставилъ и это намѣреніе. Въ Петербургѣ уже началась реакція, съ офицерами академіи обращались, какъ со школьниками, въ двухъ академіяхъ были даже беспорядки, а въ инженерной всѣ офицеры вышли изъ академіи.

Кн. Кропоткинъ много читалъ о Пріамурскомъ краѣ, о тропической растительности Уссури, о горахъ, прорѣзываемыхъ рѣкой, объ ученыхъ открытіяхъ. Кромѣ того, онъ думалъ, что Сибирь --бесконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя выработаны или задуманы, и что тамъ легко найти широкое поле для настоящей дѣятельности. 13 іюня 1862 года, окончивъ курсъ Пажескаго корпуса, кн. Кропоткинъ отправился въ Сибирь, гдѣ былъ назначенъ адъютантомъ начальника штаба Восточной Сибири, личнаго друга Бакунина и одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Муравьева-Амурскаго, Б. К. Кукеля. Вскорѣ послѣдній получилъ постъ губернатора Забайкальской области, и кн. Кропоткинъ былъ назначенъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправления. Онъ ухватился за работу со всѣмъ энтузіазмомъ юноши, много читалъ о современномъ положеніи этихъ учрежденій на Западѣ и объ историческомъ развитіи ихъ въ Россіи, устраивалъ совѣщанія свѣдущихъ людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями и съ нуждами края. По его ини-

ціативѣ комитетѣ для выработки проекта самоуправленія состоялъ изъ представителей, избранныхъ населеніемъ Читы.

Въ концѣ концовъ изъ работы кн. Кропоткина ничего не вышло. Начинаясь реакція. Однажды въ февралѣ или мартѣ 1863 г. прискакалъ нарочный изъ Петербурга и привезъ бумагу. Въ ней предписывалось генералу Кукелю немедленно оставить постъ губернатора Забайкальской области, вернуться въ Иркутскъ и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій, не принимая должности начальника штаба. Предполагалось отправить Кукеля съ жандармами въ Петербургъ и заключить въ Петропавловскую крѣпость, но его спасло энергичное заступничество гр. Муравьева, лично ходатайствовавшего за него.

Причиною гоненія на Кукеля, помяка по происхожденію, были отчасти его сношенія съ Бакунинымъ, отчасти начавшееся польское возстаніе. Отъѣздъ Кукеля, какъ выражается кн. Кропоткинъ, обозначалъ похороны цѣлой эпохи въ его жизни, эпохи иллюзій, на которую возлагалось столько надеждъ. Прибылъ новый губернаторъ. Кн. Кропоткинъ продолжалъ работать съ удвоенною энергіею и вскорѣ представилъ ему проекты реформы системы ссылки и городского самоуправления. Губернаторъ сдѣлалъ для формы нѣсколько возраженій, но затѣмъ подписалъ проектъ, который и былъ отправленъ въ Петербургъ, но тамъ уже не желали больше реформъ, и проекты не получили дальнѣйшаго движенія. Въ положеніи о ссылкѣ не произведено никакихъ реформъ.

II.

Муравьевъ и колонизація Приамурскаго края.—Экспедиція для снабженія поселенцевъ хлѣбомъ.—Крушеніе.—Поѣздка въ Петербургъ.—Манчжурская экспедиція.—Изслѣдованіе Сунгари.—Служебныя командировки.—Возстаніе поляковъ въ Забайкальи и вліяніе этого событія на служебную карьеру кн. Кропоткина.

Понявъ, что въ Читѣ ему больше дѣлать нечего, кн. Кропоткинъ весною 1863 года принялъ предложеніе поѣхать на Амуръ. Все лѣвое побережье этой рѣки и берегъ Тихаго океана вплоть до залива Петра Великаго были только что присоединены къ Россіи графомъ Муравьевымъ. Это произошло почти противъ воли петербургскихъ властей. Когда М. задумалъ смѣлый планъ овладѣть великою рѣкою, противъ генераль-губернатора ополчились въ Петербургъ почти всѣ: у министра финансовъ не оказалось свободныхъ денегъ, у военнаго министра лишнихъ солдатъ, но особенно противилось осуществленію его плановъ министерство иностранныхъ дѣлъ, старавшееся избѣгать «дипломатическихъ осложненій».

Такъ какъ, по мнѣнію Муравьева, номинальная оккупація не имѣла бы значенія, то у него явилась мысль выстроить по Амуру и Усури, на протяженіи 3,500 верстъ, цѣпь станицъ и та-

кимъ образомъ установить правильное сообщеніе между Сибирью и берегомъ Великаго океана. Для станицъ нужны были поселенцы, которыхъ въ Сибири было взять неоткуда, но Муравьевъ обратился къ героическимъ средствамъ. Онъ возвратилъ права ссыльнымъ-каторжнымъ, отбывшимъ срокъ наказанія и приписаннымъ къ кабинетскимъ промысламъ, и составилъ изъ нихъ Забайкальское казачье войско. Кроме того, онъ добился освобожденія тысячи каторжниковъ и устроилъ ихъ, какъ вольныхъ поселенцевъ, по низовьямъ Амура.

— Ступайте дѣтушки,—обратился Муравьевъ съ рѣчью къ переселенцамъ, отправляемымъ на новыя мѣста:—Вы теперь свободны! Обработывайте землю, сдѣлайте ее русскимъ краемъ, начните новую жизнь.

Такъ какъ среди поселенцевъ было много холостыхъ, то онъ велѣлъ освободить каторжанокъ и предложилъ имъ выбрать мужей. Однако, времени нельзя было терять, полая вода быстро спадала на Шилкъ, по которой на плотахъ отправлялись поселенцы, и Муравьевъ велѣлъ имъ стать на берегу парами, благословилъ ихъ и сказалъ: «Вѣнчаю васъ дѣтушки. Будьте ласковы другъ съ другомъ; мужа, не обижайте женъ и живите счастливо».

Епископъ амурскій Иннокентій призналъ впоследствии эти браки и дѣтей, рожденныхъ отъ нихъ, законными и приказалъ такъ и отмѣтить ихъ въ церковныхъ книгахъ. Затѣмъ, Муравьевъ принялъ, въ качествѣ колонистовъ, двѣ тысячи солдатъ изъ штрафныхъ баталіоновъ и распредѣлил ихъ въ качествѣ пріемныхъ сыновей по казачьимъ семьямъ или устроилъ ихъ самостоятельными хозяйствами по деревнямъ Восточной Сибири. Опытъ, впрочемъ, оказался не изъ удачныхъ. «Сынки» убѣгали отъ отцовъ, присоединя-

лись къ бродячему городскому населенію, пропивали весь заработокъ.

Новые поселенцы, вообще, не сразу привыкли къ условіямъ жизни колонизаторовъ. Они попали въ тяжелыя условія: каждый аршинъ земли приходилось расчищать изъ-подъ дѣвственнаго субтропикальнаго лѣса, милліоны перелетныхъ птицъ выклевывали хлѣба, проливные дожди въ июлѣ затопляли ихъ. Все это приводило населеніе низовьевъ въ отчаяніе, порождало апатію, и Муравьеву приходилось ежегодно отправлять поселенцамъ цѣлые караваны баржъ съ солью, мукою, солониною и т. д. Съ этою цѣлью въ Читѣ строилась ежегодно цѣлая флотилія баржъ, которыя и сплавлялись партіями въ 20—30 судовъ весною въ половодье по Пигодѣ, Шилкѣ и Амуру, подъ командою казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ.

Кн. Кропоткинъ былъ прикомандированъ помощникомъ къ начальнику всего сплава, майору Малиновскому. Первый его опытъ въ роли сплавщика оказался не удачнымъ. Составленная имъ команда изъ «сынковъ» ничего не понимала въ рѣчномъ плаваніи. Въ день отправки ее пришлось собирать по кабакамъ и предварительно выкупать въ рѣкѣ, чтобы хоть сколько-нибудь привести ее въ себя. Въ первую же ночь одна изъ баржъ наткнулась на камень у подножья высокаго, крутого утеса и засѣла основательно. Сдвинуть ее не удалось никакими усиліями, но, къ счастью, на помощь подоспѣлъ одинъ пріятель кн. Кропоткина, казачій офицеръ, жившій въ Срѣтенскѣ, вызванный слезною запискою, и спасъ баржу и грузъ.

Дальнѣйшее путешествіе продолжалось безъ особенныхъ приключеній. Кн. Кропоткинъ сдѣлалъ около 1,500 верстъ по Амуру въ почтовой лодкѣ съ серединою, покрытою навѣсомъ, какъ

кибитка, и ящикомъ съ землею на носу, гдѣ разводился огонь. Его сопровождали три гребца изъ «сынковъ». Они работали веслами поочередно весь день, а ночью предоставляли лодкѣ плыть по теченію, держа ее по срединѣ рѣки. Это путешествіе по широкой и быстрой рѣкѣ, текущей между поросшихъ лѣсами горъ, спускающихся къ водѣ высокими крутыми скалами, въ 2 тыс. футовъ вышиною, было преисполнено невыразимой прелести и оставило лучшія воспоминанія въ душѣ молодого офицера. Путешествіе не было лишено опасностей. Въ низовьяхъ Амура на караванъ налетѣлъ жестокій тайфунъ, продолжавшійся нѣсколько дней. Кн. Кропоткинъ, ѣхавшій въ это время въ одной лодкѣ со своимъ начальникомъ Малиновскимъ, переждалъ кое-какъ бурю въ безопасномъ мѣстѣ, но всѣ сорокъ баржъ со 120 тыс. пудовъ груза погибли, что означало неизбѣжный голодъ въ низовьяхъ Амура.

Устроивъ совѣтъ, офицеры рѣшили, что Малиновскій поплыветъ возможно скорѣе къ устью Амура и постарается закупить хлѣбъ въ Японіи, а князь Кропоткинъ отправится вверхъ по рѣкѣ, чтобы опредѣлить размѣры потерь и поставить въ извѣстность о несчастіи читинскія власти. Онъ немедленно пустился въ обратный путь, мѣняя гребцовъ въ каждой деревнѣ, то-есть приблизительно каждыя 30 верстъ. К. добрался до мѣста, гдѣ буря разбила баржи, разгрузить которыя не было никакой возможности, и съ грустной вѣстью, что удалось спасти не болѣе 20 тыс. пудовъ груза, онъ поспѣшилъ дальше. Черезъ нѣсколько дней его нагналъ пароходъ, медленно плывшій внизъ по теченію. Оказалось, что капитанъ допился до чертиковъ и бросился въ воду. Его спасли, но онъ лежалъ въ бѣлой горячкѣ въ каютѣ, въ виду чего кн. Кропоткина

попросили принять командованіе надъ пароходомъ.

То на пароходѣ, то верхомъ, кн. Кропоткинъ добрался, наконецъ, до Забайкалья, на Карѣ встрѣтилъ забайкальскаго губернатора, которому сообщилъ о происшествіи, и поспѣшилъ съ докладомъ въ Иркутскъ, но не успѣлъ онъ отдохнуть послѣ путешествія, какъ ему было предложено ѣхать курьеромъ въ Петербургъ сообщить про гибель баржъ. Не медля ни минуты, онъ помчался на перекладныхъ и, послѣ путешествія, продолжавшагося двадцать четыре дня и ночи, прибылъ въ Петербургъ.

Здѣсь власти не хотѣли вѣрить крушенію баржъ. «Вы были сами на мѣстѣ? Вы видѣли обломки вашими собственными глазами? Увѣрены-ли вы вполнѣ, что они не украли просто грузъ и не показали вамъ для отвода глазъ обломки нѣсколькихъ баржъ?»—вотъ были вопросы, на которые пришлось отвѣчать курьеру. Графъ Н. П. Игнатьевъ сказалъ кн. Кропоткину: «Какъ это хорошо вышло, что вы были на мѣстѣ и видѣли крушеніе. Они устроили это очень ловко, пославши васъ. Умно сдѣлано. Сперва никто не хотѣлъ вѣрить крушенію баржъ, думали, что новое мошенничество. Но вы хорошо извѣстны здѣсь, какъ нашъ, и не долго пробыли въ Сибири, такъ что не стали бы ихъ выгораживать изъ плутовства. Вамъ здѣсь довѣряютъ».

Пребываніе кн. Кропоткина въ Петербургѣ продолжалось не долго, и онъ въ ту же зиму возвратился въ Иркутскъ, гдѣ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Восточной Сибири по казачьимъ дѣламъ. Работы у него оказалось немного, а потому онъ охотно принялъ предложеніе заняться географическими изслѣдованіями въ Манчжуріи. Забайкальскіе казаки, скотопромышленники,

жившіе въ юговосточномъ углу области, пожелали установить прямое сообщеніе съ средней частью Амура, гдѣ былъ хорошій сбытъ на ихъ скоть. Они слышали отъ монголовъ, что такая дорога существуетъ, и снарядили торговый караванъ для ея открытія. Кн. Кропоткину было предложено принять начальство надъ экспедиціей, на что онъ согласился съ большимъ удовольствіемъ.

Новое путешествіе представляло большія затрудненія. Богдыханъ давалъ право русскимъ торговать въ китайской имперіи и Монголіи, но въ договоръ про Манчжурію не упоминалось. Кромѣ того, говорилось только о купцахъ, и офицеру вовсе не разрѣшили бы вѣзда въ Манчжурію. Кн. Кропоткину пришлось переодѣться купцомъ. Онъ накупилъ въ Иркутскѣ и взялъ на комиссію различныхъ товаровъ, получилъ отъ генераль-губернаторъ паспортъ на имя «иркутскаго второй гильдіи кунца Петра Алексѣева съ товарищами» и двинулся въ путь.

Генераль-губернаторъ предупреждалъ путешественника, что китайскія власти могутъ арестовать его, причемъ по всей вѣроятности ему придется пропутешествовать въ Пекинъ и оттуда черезъ Гоби до русской границы въ клѣткѣ, на спинѣ верблюда, какъ всегда отправляютъ китайцы арестантовъ. Генераль-губернаторъ предупреждалъ князя Кропоткина ни въ какомъ случаѣ не называть себя, не признаваться, что онъ офицеръ, а то дѣло можетъ кончиться плохо.

Но искушеніе посѣтить край, въ которомъ еще никогда не бывалъ ни одинъ европеецъ, было слишкомъ велико. Кн. Кропоткинъ отправился въ путь. Въ Иркутскѣ и Читѣ онъ участвовалъ неоднократно въ любительскихъ спектакляхъ и съ такимъ успѣхомъ исполнялъ роли молодыхъ купчиковъ въ пьесахъ Островскаго, что даже

однажды написалъ брату восторженное письмо, въ которомъ сообщалъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи бросить службу и поступить на сцену. Изученіе манеръ и ухватокъ купчика сослужило ему теперь большую службу; казаки вездѣ принимали его за мелкаго купчика.

Экспедиція состояла изъ одиннадцати казаковъ и одного тунгуза. Всѣ они говорили по-монгольски, а тунгузъ понималъ по-манчжурски. Старшиной каравана, состоявшаго изъ 40 лошадей для продажи и двухъ повозокъ съ товаромъ, былъ избранъ одинъ казакъ, и кн. Кропоткинъ совершенно ступевался среди казаковъ. Онъ былъ одѣтъ въ такой же синій бумажный халатъ, какъ и всѣ остальные, и до того не выдѣлялся изъ числа казаковъ, что китайцы совершенно не замѣчали его, и онъ могъ дѣлать свободно съемку при помощи бусоли. Только изрѣдка наблюденія приходилось дѣлать украдкою и записывать разстоянія въ карманъ, не вынимая бумаги. Оружія экспедиція не имѣла совершенно.

Пробираясь черезъ горы и долины, отрядъ черезъ нѣсколько дней вышелъ на китайскую дорогу, которая должна была привести его черезъ Хинганъ въ Мергенъ. Перевалъ черезъ горы оказался, въ сущности, очень легкимъ, короткій путь къ берегамъ Амура былъ открытъ, и черезъ нѣсколько недѣль сибиряки увидѣли съ гребня горъ синія воды большой рѣки.

Вообще путешествіе обошлось безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Только разъ какой-то китайскій чиновникъ возымѣлъ желаніе задержать экспедицію и не пропустить ее дальше, но на него просто не обратили вниманія и пошли дальше. Посѣтивъ Айгунъ и Мергенъ, гдѣ распродали своихъ лошадей, товары и палатки, казаки возвратились обратно. Коммерція оказалась

настолько выгодною, что вся экспедиція обошлась правительству въ 22 рубля.

До 1864 г. Сунгари была изучена очень слабо, и весь громадный край, орошаемый ею, былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ какая-нибудь африканская пустыня, а потому генераль-губернаторъ Восточной Сибири Коряковъ рѣшилъ отправить экспедицію для изслѣдованія великой китайской рѣки. Предлогомъ послужило отправленіе подарковъ генераль-губернатору гиринской провинціи. Посланіе долженъ былъ отвести ургинскій консулъ Шишмаревъ, въ составъ же экспедиціи вошли: докторъ Конради, астрономъ Усольцевъ, кн. Кропоткинъ и 25 солдатъ. Въ распоряженіе экспедиціи былъ отданъ небольшой пароходъ «Усури», тянувшій за собою на буксирѣ баржу съ углемъ.

Путешествіе продолжалось нѣсколько недѣль. Экспедиція сняла великолѣпную карту рѣки, но въ Гиринѣ ее встрѣтили не особенно дружелюбно. Всѣ купцы въ городѣ оказались вооруженными старыми саблями изъ арсенала и, какъ только кто-либо изъ экипажа парохода высаживался на берегъ, всѣ лавки запирались. Купцамъ было запрещено продавать что-либо русскимъ, провизію же присылали власти въ видѣ подарка, отказавшись брать за нее деньги, но главная цѣль экспедиціи, изученіе Сунгари, была достигнута. Князь Кропоткинъ и астрономъ Усольцевъ напечатали отчетъ о поѣздкѣ въ «Запискахъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества», но черезъ нѣсколько лѣтъ, во время страшнаго пожара въ Иркутскѣ, погибли всѣ нераспроданные экземпляры записокъ и карта Сунгари. Только въ послѣднее время, когда начались работы по постройкѣ манчжурской желѣзной дороги, географы откопали старые отчеты

кн. Кропоткина и нашли, что Сунгари была исследована еще въ 1864 г.

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по казакскимъ дѣламъ князь Кропоткинъ сдѣлалъ тщательное изслѣдованіе экономическаго положенія уссурійскихъ казаковъ. Они терпѣли недородъ каждый годъ, и правительство должно было кормить ихъ всю зиму, чтобы избавить отъ голодной смерти. Кн. Кропоткинъ составилъ подробный докладъ объ оказаніи помощи усурійскимъ казакамъ. По его указаніямъ однимъ станіцамъ помогли деньгами, другимъ скотомъ, третьихъ выселили на лучшія мѣста, на побережье Тихаго океана. Докладъ былъ признанъ образцовымъ, всѣ мѣры, предложенныя кн. Кропоткинымъ, были приняты, онъ получилъ повышение по службѣ и специальную награду, но практическое выполненіе намѣченныхъ мѣръ было возложено на стараго пьяницу, который розгами приучалъ казаковъ къ земледѣлію.

Кн. Кропоткинъ продолжалъ заниматься учеными изслѣдованіями. Въ 1865 г. онъ изучалъ западные Саяны, въ 1866 г. предпринялъ далекое путешествіе съ цѣлью открыть прямой путь изъ Забайкалья на Вишимскіе и Олекминскіе золотые прииски. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ члены Сибирской экспедиціи пытались найти этотъ путь и пробовали пробраться черезъ параллельные ряды дикихъ каменныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ золотые промыслы отъ Забайкальской области, но всѣ они возвращались назадъ, не сумѣвъ найти прохода. Кн. Кропоткинъ попытался разрѣшить невыполнимую задачу и пустился въ путь съ зоологомъ Поляковымъ и топографомъ Мошинскимъ. Три мѣсяца странствовали они по почти совершенно безлюдной горной странѣ и болотистому плоскогорію, но, наконецъ, добрались до цѣли своихъ странствованій, до Чи-

ты. Путемъ, открытымъ кн. Кропоткинымъ, гонять теперь скотъ на пріиски. Большую помощь изслѣдователю оказала небольшая карта, вырѣзанная тунгузами ножемъ на кускѣ бересты.

Какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Кропоткинъ, годы, проведенные въ Сибири, научили его многому, онъ понялъ, что для народа рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи стративной машины, созналъ созидательную работу невѣдомыхъ массъ, понялъ значеніе этой строительной работы въ ростѣ общества. «Я видѣлъ, наприимѣръ,—пишетъ кн. Кропоткинъ,—какъ духоборы переселялись на Амуръ, видѣлъ, сколько въ годъ давала имъ полуккоммунистическая жизнь и какъ удивительно устраивались они тамъ, гдѣ другіе переселенцы терпѣли неудачу... Я жилъ также среди бродячихъ инородцевъ и видѣлъ, какъ сложный общественный строй выработали они помимо всякаго вліянія цивилизаціи».

Однако, жизнь въ Сибири становилась для молодого офицера все менѣе и менѣе привлекательной, хотя съ 1864 года туда пріѣхалъ и братъ его, Александръ, назначенный командиромъ казачьей сотни въ Иркутскѣ. Братья съ дѣтства были очень дружны, а потому были весьма счастливы вмѣстѣ, много читали, обсуждали философскіе, научные и социалистическіе вопросы дня, но они жаждали вмѣстѣ съ тѣмъ умственной жизни, которой не было въ Сибири.

Кн. Кропоткинъ находился въ Вишимскихъ горахъ, когда ссыльные поляки сдѣлали попытку сбросить оковы и пробраться въ Китай черезъ Монголію, но онъ присутствовалъ на засѣданіяхъ суда, разбиравшаго дѣло о возстаніи, и подробно записывалъ рѣчи. Его отчетъ объ этомъ дѣлѣ былъ помѣщенъ въ «Биржевыхъ Вѣдомо-

стяхъ» за 1865 г. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни пять человѣкъ. По просьбѣ кн. Кропоткина и его друзей, генераль-губернаторъ обѣщаль не приводить въ исполненіе приговора и телеграфироваль въ Петербургъ съ просьбою о разрѣшеніи смягчить приговоръ. Онъ прождалъ пять дней и приказаль совершить казнь рано утромъ.

Въ моментъ вспышки возстанія кн. Александръ Кропоткинъ находился въ Иркутскѣ и его сотню двинули противъ поляковъ. Командиръ полка, знавшій хорошо Кропоткина, подъ какимъ-то предлогомъ поручилъ командованіе сотнею другому офицеру.

Послѣ этого случая братья поняли, что имъ невозможно оставаться на военной службѣ и рѣшили возвратиться въ Россію.

III.

Жизнь въ Петербургѣ. — Поступленіе въ университетъ. — Ученая дѣятельность кн. Кропоткина. — Поѣздка въ Финляндію. — Первая поѣздка за границу. — Участіе въ кружкѣ Чайковскаго. — Планъ кн. Кропоткина. — Докладъ въ географическомъ обществѣ. — Аресты. — Слѣдствіе. — Петропавловская крѣпость. — Свиданіе съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Осенью 1867 г. князь Кропоткинъ, вмѣстѣ съ братомъ, который успѣлъ жениться въ Сибири, переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ петербургскій университетъ, на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Его братъ поступилъ въ военно-юридическую академию. Занятія науками кн. Кропоткина продолжались пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ состоялъ секретаремъ отдѣленія физической географіи географическаго общества. Къ этому времени относится самая знаменитая специальная работа кн. Кропоткина: «Теорія о строеніи горъ въ Сѣверной Азіи». Сначала онъ намѣревался написать по этому поводу толстую книгу, но ограничился составленіемъ лишь карты, съ которой изложилъ наглядно свои взгляды и снабдилъ ее объяснительной запиской.

Кн. П. Кропоткинъ въ этотъ періодъ жизни сильно увлекался наукою, собирался написать, на основаніи матеріала, имѣвшагося въ геогра-

фическомъ обществѣ, подробную физическую географію Россіи, мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться секретаремъ географическаго общества, но одновременно онъ отдавался мыслямъ другого рода, и въ его головѣ назрѣвалъ совершенно иной планъ. Лѣтомъ 1871 г. онъ былъ командированъ географическимъ обществомъ для изученія шведскихъ и финляндскихъ ледниковъ. Во время этого путешествія онъ много отдавался социальнымъ размышленіямъ и окончательно рѣшилъ вступить на новый путь. Вдругъ неожиданно онъ получилъ телеграмму: «Совѣтъ географическаго общества проситъ васъ принять должность секретаря общества». Кн. Кропоткинъ призадумался, но протелеграфировалъ въ отвѣтъ: «душевно благодарю, но должность принять не могу».

«Во время путешествія по Финляндіи,—пишетъ онъ,—у меня былъ досугъ. Когда я проѣхалъ въ финской одноколкѣ по равнинѣ, не представляющей интереса для геолога, я видѣлъ, какое громадное количество труда затрачиваетъ финскій крестьянинъ, чтобы расчистить поле и разработать валуны, и думалъ: «хорошо, я напишу физическую географію этой части Россіи и укажу лучшіе способы обработки земли. Вотъ здѣсь американская машина для корчеванія пней принесла бы громадную пользу, а тамъ наука могла бы указать новый способъ удобренія... Но что за польза толковать крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба, чтобы перебиться отъ одной жатвы до другой, когда арендная плата за эту усѣянную валунами землю растеть съ каждымъ годомъ по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ улучшаетъ почву? Онъ грызеть свою твердую, какъ камень, ржаную лепешку, которую печеть дважды въ годъ, съѣдаетъ съ нею кусокъ вѣроятно со-

леной трески и запиваетъ снятымъ молокомъ. Какъ смѣю я говорить ему объ американскихъ машинахъ, когда на аренду и подати уходитъ весь его заработокъ! Крестьянину нужно, чтобы я жилъ съ нимъ, чтобы я помогъ ему сдѣлаться собственникомъ или вольнымъ пользователемъ земли. Тогда онъ и книгу прочтетъ съ пользою, но не теперь»...

«Знаніе—могучая сила. Человѣкъ долженъ овладѣть имъ. Но мы и теперь уже знаемъ много. Что, если бы это знаніе, и только это стало достояніемъ всѣхъ?.. Массы хотятъ знать. Онѣ хотятъ учиться, онѣ могутъ учиться, онѣ готовы расширить свое знаніе, только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ. Вотъ въ какомъ направленіи мнѣ слѣдуетъ работать, и вамъ, люди, для которыхъ я долженъ работать. Всѣ эти звонкія слова на счетъ прогресса держатся въ сторонѣ отъ народа, всѣ эти громкія фразы—одни софизмы. Ихъ придумали, чтобы раздѣлаться отъ развѣдающаго противорѣчія...

«И я послалъ мой отказъ географическому обществу».

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Финляндіи кн. Кропоткинъ познакомился и сошелся съ Чайковскимъ въ Москвѣ, куда онъ поѣхалъ на похороны отца. Тамъ состоялось первое засѣданіе революціоннаго кружка, учрежденнаго ими. Вскорѣ послѣ этого кн. Кропоткинъ въ первый разъ уѣхалъ за границу, въ Швейцарію, гдѣ вступилъ въ одну изъ секцій «Интернаціонала» и занялся изданіемъ революціонной литературы: книгъ, брошюръ и газетъ за послѣдніе два года.

«Я читалъ цѣлые дни напролетъ,—пишетъ кн. Кропоткинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и вынесенное мною впечатлѣніе было такъ глубоко, что никогда, ничѣмъ не изгладится»...

«Совершенно новый міръ социальныхъ отношеній и совершенно новые методы мышленія и дѣйствія раскрываются во время этого чтенія, которое даетъ, именно, то, чего ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не узнаешь, а, именно, объясняетъ глубину и нравственную силу движенія и показываетъ, насколько люди проникнуты новыми теоріями, насколько работники подготовлены провести идеи социализма въ жизни и пострадать за нихъ... Чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ сильнѣе я убѣждался, что предо мною новый для меня міръ, совершенно неизвѣстный ученымъ авторамъ социалистическихъ теорій».

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Цюрихѣ, кн. Кропоткинъ переѣхалъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Утинымъ и одною изъ самыхъ энергичныхъ руководительницъ занятій секцій рабочихъ, г-жею Ольгою, усердно посѣщалъ массонскій храмъ „Temple Unique“, гдѣ происходили собранія рабочихъ и гдѣ даже читались лекціи для рабочихъ по исторіи, физикѣ, механикѣ и т. д. Мало по малу, однако, кн. Кропоткинъ сталъ нѣсколько разочаровываться въ «Интернаціналѣ», въ его душѣ зарождалось сомнѣніе насчетъ искренности пропаганды, которая велась въ „Temple Unique“, и онъ пожелалъ познакомиться съ другой секціей «Интернаціонала» — «бакунистами» или «федералистами». Утинъ далъ ему немедленно рекомендательную записку къ Бакунину, Николаю Жуковскому, долго смотрѣлъ на кн. Кропоткина и сказалъ со вздохомъ: «Да, вы больше къ намъ не вернетесь; вы у нихъ останетесь».

И онъ не ошибся. Кн. Кропоткинъ поѣхалъ сначала въ Невшатель, гдѣ познакомился съ Гильомомъ и Маломомъ, дѣятелями парижской коммуны, затѣмъ переѣхалъ въ Сонвилье, гдѣ велъ оживленные бесѣды съ орскими часовщика-

ми. Здѣсь окончательно сложилось его міровоззрѣніе.

«Теоретическія положенія анархизма, — пишетъ кн. Кропоткинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — критика государственнаго социализма, который, какъ указывалось тогда, грозитъ развиться въ экономическій деспотизмъ, еще болѣе страшный, чѣмъ политическій, и, наконецъ, революціонный характеръ агитаціи среди горцевъ, неотразимо дѣйствовали на мой умъ, но сознание полного равенства всѣхъ членовъ федераціи, независимость сужденій и способовъ выраженія ихъ, которыя я замѣчалъ среди этихъ рабочихъ, а также ихъ беззаветная преданность общему дѣлу, еще сильнѣе того подкупили мои чувства. Иногда проживши недѣлю среди часовщиковъ, я уѣзжалъ изъ горъ, мой взглядъ на социализмъ уже окончательно установился. Я сталъ анархистомъ».

Возвратившись въ Петербургъ, кн. Кропоткинъ привезъ съ собою цѣлый транспортъ нелегальной литературы, которою подѣлился со своими друзьями, и, вскорѣ послѣ пріѣзда, примкнулъ къ кружку университетской молодежи, основанному Чайковскимъ. Кружокъ состоялъ изъ небольшой группы мужчинъ и женщинъ, въ числѣ которыхъ находилась Софья Перовская, соединившихся для самообразованія и самоусовершенствованія. Кружокъ этотъ возникъ отчасти изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности, основаннымъ, какъ извѣстно, на конспиративныхъ приѣмахъ старинныхъ заговорщиковъ.

Когда кн. Кропоткинъ поступилъ въ кружокъ Чайковского, то есть въ 1872 году, онъ не имѣлъ въ себѣ еще ничего революціоннаго. «Чайковцы» занялись распространеніемъ книгъ. Они покупали цѣлыми изданіями сочиненія Лассаля, Флеровскаго-Барви, Маркса и распространяли ихъ, но съ

теченіемъ времени, подъ вліяніемъ общаго хода событій и вѣстей, прибывавшихъ изъ Западной Европы, кружокъ становился все больше центромъ социалистической пропаганды среди учащейся молодежи и вступилъ въ прямыя сношенія съ петербургскими рабочими.

Получивъ по наслѣдству отъ отца имѣніе въ Тамбовской губерніи, кн. Кропоткинъ нѣкоторое время думалъ серьезно поселиться тамъ и посвятить всю свою энергію земской службѣ. У него былъ также слѣдующій планъ, сообщенный имъ кружку Чайковскаго:

«Если вы хотите вести агитацію въ пользу конституціи,—объявилъ кн. Кропоткинъ своимъ друзьямъ,—то сдѣлайте такъ. Я отдѣлюсь отъ кружка въ видахъ конспираціи и стану поддерживать сношенія съ нимъ черезъ кого-нибудь одного, напримѣръ, Чайковскаго. Черезъ него вы будете мнѣ сообщать о вашей дѣятельности, а я буду васъ знакомить въ общихъ чертахъ съ моею. Я же поведу мою агитацію въ высшихъ и придворныхъ кругахъ. Тамъ у меня много знакомыхъ и тамъ я знаю не мало такихъ, которые уже недовольны современнымъ порядкомъ. Я сведу ихъ вмѣстѣ и, если удастся, объединю въ какую-нибудь организацію. А впоследствии, навѣрное, выпадетъ случай выдвинуть всѣ эти силы съ цѣлью заставить Александра II дать Россіи конституцію. Придетъ время, когда всѣ эти люди, видя, что они скомпрометированы, въ своихъ собственныхъ же интересахъ вынуждены будутъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Тѣ изъ насъ, которые были офицерами, могли бы вести пропаганду въ арміи. Но вся эта дѣятельность должна вестись отдѣльно отъ вашей, хотя и параллельно съ ней. Я серьезно объ этомъ думалъ и знаю, какія у меня есть связи и кому можно довѣрять. Думаю такъ же, что нѣкоторые изъ недо-

вольныхъ уже и теперь смотрятъ на меня, какъ на своего рода центръ, вокругъ котораго можно объединиться. Лично я не выбралъ бы такой дѣятельности, но если вы думаете, что такъ нужно, я отдамся ей душою и тѣломъ».

Кружокъ не принялъ этого предложенія, что не помѣшало кн. Кропоткину принять самое дѣятельное участіе въ его занятіяхъ. Онъ не пропускалъ ни одной сходки, которыя происходили обыкновенно на одномъ изъ предмѣстій въ домикѣ, занимаемомъ Софьею Перовскою. Кружокъ поддерживалъ правильныя сношенія съ пропагандистами, разбросанными по всей Россіи, печаталъ за границей свои брошюры, агитировалъ среди петербургскихъ рабочихъ.

Кн. Кропоткинъ работалъ среди ткачей, рабочихъ, которые на лѣто отправлялись въ деревню пахать землю. Онъ училъ ихъ грамотѣ, рассказывалъ имъ о рабочемъ движеніи въ Западной Европѣ, о борьбѣ пролетаріата, о трудностяхъ, которыя предстоитъ ему преодолѣть, о его надеждахъ. Въ этихъ занятіяхъ онъ провелъ два года.

Въ январѣ 1874 года полиція захватила главную квартиру кружка, служившую для пропаганды среди ткачей; многіе изъ членовъ кружка были арестованы. Вокругъ дома кн. Кропоткина стали бродить какіе-то таинственные незнакомцы. Онъ уже собирался скрыться изъ Петербурга, но его задержало одно обстоятельство. Онъ закончилъ свою работу о ледниковыхъ отложеніяхъ въ Финляндіи и Россіи, вызвавшую большую сенсацію въ ученomъ мѣрѣ, и собирался прочесть ее въ географическомъ обществѣ. Засѣданіе состоялось. Докладъ кн. Кропоткина вызвалъ очень оживленныя пренія. Успѣхъ лектора, во всякомъ случаѣ, былъ столь великъ, что ему въ тотъ же день было предложено занять мѣсто

предсѣдателя отдѣленія физической географіи. Но самъ онъ задавалъ себѣ въ душѣ вопросъ: «не проведу-ли я эту самую ночь уже въ Третьемъ Отдѣленіи?»

Его предчувствіе подтвердилось. Первую ночь послѣ засѣданія онъ провелъ спокойно и даже имѣлъ возможность пересмотрѣть свои бумаги и уничтожить все, что могло скомпрометировать, кого-либо. Полагая, что жандармы нагрянутъ только ночью, и зная, что за его квартирою слѣдятъ, онъ рассчитывалъ выбраться изъ нея незамѣтно, когда наступитъ вечеръ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ собирался уходить, одна изъ горничныхъ шепнула ему: «Вы бы лучше вышли по черной лѣстницѣ».

Понявъ, въ чемъ дѣло, кн. Кропоткинъ быстро спустился внизъ, сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и поѣхалъ по направленію къ Невскому. Погони не было, и онъ уже думалъ, что все обойдется благополучно, но вдругъ замѣтилъ другого извозчика, несшагося вскачъ вслѣдъ за нимъ. На извозчикѣ сидѣлъ одинъ изъ извѣстныхъ князю ткачей, посѣщавшій сходки, устраиваемыя имъ, и арестованный незадолго до этого, и еще какой-то господинъ. Ткачъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто хотѣлъ сказать что-то. Кн. Кропоткинъ подумалъ, что, можетъ быть, этого человѣка выпустили изъ тюрьмы, и онъ хочетъ сообщить ему какія-нибудь важныя извѣстія, а потому остановилъ извозчика. Тогда выступилъ впередъ господинъ, сидѣвшій съ ткачемъ, и крикнулъ громко: «Господинъ Бородинъ (псевдонимъ кн. Кропоткина), князь Кропоткинъ, я васъ арестую!» Онъ подалъ сигналъ полицейскимъ, прыгнулъ въ дрожки къ кн. Кропоткину и показалъ ему бумагу съ печатью петербургской полиціи. «У меня приказъ пригласить васъ немедленно къ генераль-губернатору», сказалъ сыщикъ.

Такъ какъ на помощь послѣднему уже подошли два дюжихъ городскихъ, то, видя, что всякое сопротивленіе бесполезно, кн. Кропоткинъ приказалъ своему извозчику повернуть обратно и ѣхать къ генераль-губернатору. Ткачъ на своемъ извозчикѣ поѣхалъ вслѣдъ за дрожками, на которыхъ сидѣлъ кн. Кропоткинъ съ сыщикомъ. Дорогой арестованный выбросилъ изъ кармана письмо, полученное имъ изъ Москвы отъ Войноральскаго. У подъѣзда генераль-губернаторскаго дома ткачъ подалъ эту бумажку сыщику со словами: «Я видѣлъ, какъ они выбросили письмо на мостовую, и поднялъ его».

Кн. Кропоткина препроводили сначала обратно на его квартиру, гдѣ былъ произведенъ самый тщательный обыскъ, не давшій, впрочемъ, никакихъ благопріятныхъ для сыска результатовъ, затѣмъ онъ былъ доставленъ въ Третье Отдѣленіе, и въ четыре часа утра начался допросъ.

— Вы обвиняетесь,—объявилъ торжественно кн. Кропоткину прокуроръ,—въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣль ниспровергнуть существующую форму правленія, и въ заговоръ противъ Священной Особы Его Императорскаго Величества. Признаете-ли вы себя виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ?

— До тѣхъ поръ, пока я не буду передъ гласнымъ судомъ, я не дамъ вамъ никакого отвѣта,—сказалъ кн. Кропоткинъ.

— Знаете-ли вы нѣкоего Николая Чайковскаго?—послѣдовалъ вопросъ.

— Если вы все-таки желаете задавать мнѣ вопросы на вашихъ вопросахъ, то такъ и пишите: «нѣтъ» на всѣ тѣ, которые вы мнѣ будете задавать,—отвѣтилъ кн. Кропоткинъ.

— Ну, а если мы спросимъ, знакомы-ли вы, напримѣръ, съ г. Поляковымъ?

— Если вы зададите мнѣ такой вопросъ, то пишите «нѣтъ». И если вы спросите меня, знакомъ-ли я съ сестрой, братомъ, или мачехой, — пишите тоже «нѣтъ». Никакого другого отвѣта вы отъ меня не получите. Я знаю, если отвѣчу «да» по отношенію къ какому-нибудь лицу, вы тотчасъ же учините ему крупную неприятность, нагрнете съ обыскомъ, или сдѣлаете что-нибудь похуже. А потомъ скажете, что я его выдалъ.

Среди тюремщиковъ оказалось лицо, сочувствовавшее заключеннымъ, при помощи котораго онъ переписывался съ товарищами по несчастью.

Спустя нѣсколько недѣль К. перевезли въ Петропавловскую крѣпость. Изрѣдка ему разрѣшались свиданія съ братомъ Александромъ. Послѣдній не принималъ никакого участія въ агитаціонной работѣ и жилъ въ Цюрихѣ, гдѣ былъ друженъ съ Лавровымъ и собирался поселиться навсегда, такъ какъ возненавидѣлъ Петербургъ, послѣ того, какъ потерялъ тамъ двухъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ умеръ отъ холеры, другой отъ чахотки.

Узнавъ про арестъ брата, кн. А. Кропоткинъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Понимая, какъ тяжело для брата вынужденная бездѣятельность, онъ поднималъ на ноги весь ученый міръ, и географическое общество, и даже академію наукъ, и, вслѣдствіе его усиленныхъ ходатайствъ, узнику было разрѣшено имѣть письменныя принадлежности. Для этого потребовалось специальное Высочайшее разрѣшеніе, до того былъ строгъ режимъ Петропавловской крѣпости.

Въ заключеніи кн. Кропоткинъ продолжалъ свой ученый трудъ о ледникахъ въ Финляндіи и разрабатывалъ основы ледниковой гипотезы. Академія наукъ предоставила въ его распоряженіе свою великолѣпную бібліотеку. Вскорѣ цѣ-

лый уголъ его камеры наполнился книгами и картами. Его книга вскорѣ разрослась въ два большихъ тома, изъ которыхъ первый былъ напечатанъ въ запискахъ географическаго общества, а второй такъ и остался въ дѣлахъ Третьяго Отдѣленія. Согласно Высочайшему повелѣнію, кн. Кропоткину разрѣшалось имѣть письменныя принадлежности только до заката солнца, а потому въ 5 часовъ вечера, а зимою въ 3, перья и карандаши у него отбирались, и онъ долженъ былъ прекращать работу. Тогда онъ принимался за чтеніе и основательно изучилъ московскій періодъ русской исторіи. Каждое утро его выводили на прогулку въ тюремный дворъ на полъ-часа.

Въ декабрѣ 1874 года былъ арестованъ и кн. Александръ Кропоткинъ. Его продержали въ Третьемъ Отдѣленіи до мая слѣдующаго года и сослали въ Минусинскъ. Въ 1876 году княгиня Елена Кропоткина подала прошеніе императору объ освобожденіи брата. Двоюродный братъ ихъ, кн. Дмитрій Кропоткинъ, харьковскій генераль-губернаторъ, флигель-адъютантъ Александра II и большой фаворитъ при дворѣ, лично вручилъ прошеніе, прибавивъ нѣсколько словъ отъ себя, но это не произвело никакого дѣйствія.

Въ началѣ 1875 года, въ однообразной жизни узника, томившагося въ Петропавловской крѣпости, произошелъ инцидентъ. Дверь его камеры какъ-то открылась и къ нему вошелъ въ сопровожденіи одного только адъютанта братъ императора, великій князь Николай Николаевичъ. Дверь захлопнулась за нимъ. Великій князь зналъ лично кн. Кропоткина и, подойдя къ нему, сказалъ добродушнымъ, фамильярнымъ тономъ:

— Здравствуй Кропоткинъ.

— Какъ это возможно, — продолжалъ великій князь. — чтобы ты, камернажъ, бывшій фельд-

Фебель, могъ быть замѣшанъ въ такихъ дѣлахъ и сидишь теперь въ этомъ ужасномъ казематѣ?

— У каждаго есть свои убѣжденія, — отвѣтилъ князь.

— Убѣжденія? Твое убѣжденіе, что нужно заводить революцію?

Заклоченный молчалъ.

— Вотъ видишь! — продолжалъ великій князь: — самому тебѣ стыдно теперь...

Послѣднее замѣчаніе обидѣло кн. Кропоткина, и онъ отвѣтилъ довольно рѣзко:

— Я далъ свои показанія на вопросахъ судебному слѣдователю: мнѣ нечего добавить.

— Да ты пойми, Кропоткинъ, — сказалъ тогда великій князь самымъ добродушнымъ тономъ. — Я говорю съ тобой не какъ судебный слѣдователь, а совсѣмъ какъ частный человѣкъ. Совсѣмъ, какъ частный человѣкъ, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

«Мысли вихремъ кружились у меня въ головѣ, — пишетъ кн. Кропоткинъ въ своихъ воспоминаніяхъ: — сыграть роль маркиза Позы? Передать царю черезъ посредство его брата о разореніи Россіи, объ обнищаніи крестьянъ, о произволѣ властей, о неминуемомъ страшномъ голодѣ? Сказать, что мы хотѣли помочь крестьянамъ выйти изъ ихъ отчаяннаго положенія, придать имъ бодрости? Попытаться такимъ образомъ повліять на Александра II? Мысли эти мелькали одна за другой у меня въ головѣ. Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: «никогда, это безуміе»

Кн. Кропоткинъ отвѣтилъ великому князю, что онъ всегда остается официальнымъ лицомъ, и что К. не можетъ смотрѣть на него, какъ на частнаго человѣка. Тогда великій князь сталъ ему предлагать всякіе безразличные вопросы:

— Не въ Сибири-ли отъ декабристовъ ты набрался тахлякъ взглядовъ?

— Нѣтъ. Я зналъ только одного декабриста и съ тѣмъ никогда не велъ серьезныхъ разговоровъ,—отвѣтилъ узникъ.

— Такъ ты набрался ихъ въ Петербургъ?

— Я всегда былъ такой.

— Что! Даже въ корпусъ?—переспросилъ великій князь съ ужасомъ.

— Въ корпусъ я былъ мальчикомъ. И то, что смутно въ юности, выясняется потомъ, когда человекъ мужаетъ.

«Онъ задалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, — кончаетъ кн. Кропоткинъ свой рассказъ,—и потому, какъ онъ говорилъ, я ясно понималъ, къ чему онъ ведетъ. Все это начинало меня бѣсить. И когда Николай Николаевичъ замѣтилъ мнѣ нѣчто въ родѣ: «какъ ты могъ имѣть что-нибудь общее со всѣми этими людьми, съ мужиками и разночинцами», я грубо отрѣзалъ: «Я вамъ сказалъ уже, что далъ свои показанія судебному слѣдователю». Онъ рѣзко повернулся на каблукахъ и вышелъ».

Впослѣдствіи, когда кн. Кропоткинъ бѣжалъ, среди солдатъ петербургскаго гарнизона сложилась легенда, что его увезъ изъ тюрьмы самъ великій князь Николай Николаевичъ.

ІУ.

Домъ предварительнаго заключенія.—Переводъ въ военный госпиталь.—Планъ побѣга.—Бѣгство.—Пребываніе въ Англии.—Сотрудничество въ географическихъ журналахъ.—Жизнь въ Швейцаріи.—Распаденіе «Интернаціонала».—Главные основанія ученія кн. Кропоткина.

Кн. Кропоткинъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости два года. Постепенно здоровье его пошатнулось. Еще изъ Сибири онъ вывезъ слабые признаки цынги, но въ сыромъ и темномъ казематѣ эти признаки проявились болѣе определенно, и страшная болѣзнь сразила его. Весною 1876 г. Третье Отдѣленіе закончило, наконецъ, дознаніе по его дѣлу и передало его судебнымъ властямъ, вслѣдствіе чего узника перевели изъ Петропавловской крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія.

Здѣсь здоровье кн. Кропоткина еще ухудшилось. Его камера имѣла всего только четыре шага по діагонали. Когда паровое отопленіе начинало дѣйствовать, температура изъ ледящей становилась невыносимо жаркой. Короткая прогулка въ маленькомъ дворикѣ, окруженномъ высокими каменными стѣнами, не освѣжала. Хотя ему и разрѣшили получать пищу изъ дому, но его пищевареніе было настолько плохо, что онъ съѣдалъ въ день только кусокъ хлѣба и одно или два яйца. Чтобы подняться по лѣстницѣ, нахо-

двѣйся во второмъ этажѣ, онъ долженъ былъ раза два отдыхать. Однажды старый солдатъ-часовой замѣтилъ ему жалостно: «Тебѣ, сердешному, не дожить до осени».

Родственники кн. Кропоткина сильно встревожились. Его сестра стала усиленно хлопотать, чтобы его выпустили на поруки, но прокуроръ Шубинъ отвѣтилъ ей съ сардонической усмѣшкой: «Доставьте свидѣтельство отъ врача, что братъ вашъ умретъ черезъ десять дней; тогда я его освобожу». Единственно, что ей удалось добиться, это то, что кн. Кропоткина осмотрѣлъ хорошій врачъ, старый генераль, старшій врачъ Николаевского военнаго госпиталя.

Осмотрѣвъ заключеннаго самымъ тщательнымъ образомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что у него нѣтъ никакой органической болѣзни. «Все, что вамъ нужно—это воздухъ», заключилъ врачъ. Онъ колебался нѣсколько минутъ и затѣмъ сказалъ рѣшительно: «Что тамъ толковать! Вы не можете оставаться здѣсь. Васъ необходимо перевести».

Спустя десять дней кн. Кропоткина перевели въ находящійся на окраинѣ Петербурга военный госпиталь, при которомъ имѣлась небольшая тѣрѣма для офицеровъ и солдатъ, заболѣвшихъ во время нахождения подъ слѣдствіемъ. Въ госпиталь онъ сталъ быстро поправляться. У него была просторная комната съ большимъ окномъ, откуда открывался видъ на бульваръ, обсаженный двумя рядами деревьевъ, и большое, открытое пространство, гдѣ сотни двѣ плотниковъ строили бараки для тифозныхъ больныхъ. Силы кн. Кропоткина настолько окрѣпли, что онъ принялся снова за свой научный трудъ.

Изъ госпиталя онъ имѣлъ возможность завязать сношенія съ друзьями и началъ обдумывать планъ побѣга. По одному проекту предполага-

лось, что кн. Кропоткинъ подпилить рѣшетку въ окнѣ своей камеры, его же друзья воспользуются какою-нибудь дождливою ночью, подстерегутъ, когда часовой, стоявшій какъ разъ подъ окномъ камеры кн. Кропоткина, задремлетъ въ своей будкѣ, подползуть къ нему сзади и опрокинуть будку. Такимъ образомъ, солдатъ не будетъ раненъ, но только пойманъ, какъ крыса въ мышеловкѣ; кн. Кропоткинъ воспользуется этимъ моментомъ и выскочить въ окно, что не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ его камера помѣщалась въ первомъ этажѣ.

Вскорѣ, однако, былъ составленъ менѣе фантастическій планъ побѣга. Кн. Кропоткинъ получилъ разрѣшеніе гулять ежедневно въ больничномъ дворѣ подъ надзоромъ двухъ часовыхъ, стоявшихъ въ двухъ концахъ длиннаго, шаговъ въ 150, зданія тюрьмы. Въ противоположномъ концѣ громаднаго двора нѣсколько крестьянъ сбрасывали съ возовъ дрова и складывали ихъ. Въ тотъ же день кн. Кропоткинъ написалъ друзьямъ:

«Они меня вывели сегодня во дворъ. Ворота отперты и въ нихъ нѣтъ часового. Черезъ эти ворота я убѣгу. Часовые не поймаютъ меня. Къ воротамъ госпиталя подъѣзжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а ея экипажъ дожидается ее на улицѣ, шагахъ въ пятнадцать отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я нѣкоторое время буду держать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: «Улица свободна». Безъ этого я не двинусь. Я не хочу, чтобы меня словили на улицѣ. Сигналъ можно подать только звукомъ, или свѣтомъ... Часовой побѣжитъ за мною, какъ

собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ, я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ. Если часовой вздумаетъ стрѣлять, то тутъ ничего не подѣлаешь. Это—внѣ нашего предвидѣнія. Въ виду неизбежной смерти въ тюрьмѣ, стоитъ рискнуть».

Вышеприведенный планъ предполагалось привести въ исполненіе 29 іюня 1876 года. Въ устройствѣ этого дѣла принимало участіе около 20 человекъ. Былъ найденъ кучеръ и подходящая пролетка, но, тѣмъ не менѣе, побѣгъ не осуществился. Оказалось, что въ этотъ день во всемъ Петербургѣ нельзя было найти краснаго игрушечнаго шара, который должны были выпустить друзья кн. Кропоткина. На условномъ языкѣ это должно было значить: «Улица свободна». На слѣдующій день въ тюрьму явилась родственница и попросила передать кн. Кропоткину часы. Въ нихъ онъ нашелъ крошечную записку, изъ которой узналъ, что его друзья наняли дачу противъ тюрьмы и что, разъ все будетъ благопріятствовать побѣгу, изъ ея окна раздастся игра на скрипкѣ. На этотъ разъ все произошло по программѣ. Князь Кропоткинъ далъ сигналъ, что у него все готово, въ отвѣтъ заиграла скрипка. Тогда узникъ, въ два ловкихъ пріема, въ которыхъ онъ упражнялся нѣсколько дней въ своей камерѣ, сбросилъ халатъ и пустился бѣжать. Крестьяне, складывавшіе дрова на другомъ концѣ двора, заголосили: «Бѣжить! Держи его!», и бросились на перерѣзъ къ воротамъ. За бѣглецомъ гнался часовой съ ружьемъ на перевѣсъ и три госпитальныхъ солдата, сидѣвшихъ на крыльцѣ тюрьмы. Нѣсколько разъ солдатъ пытался ударить бѣжавшаго штыкомъ, бросая впередъ руку съ ружьемъ, нѣсколько разъ остріе почти

касалось спины кн. Кропоткина, но онъ успѣлъ выскочить на улицу.

Къ своему удивленію, онъ увидѣлъ въ пролеткѣ совершенно незнакомаго ему господина, сидѣвшаго спиною къ воротамъ, и у него мелькнула мысль, что это кто-нибудь чужой. Не замедляя бѣга, онъ захлопалъ въ ладоши. Тогда только господинъ, сидѣвшій въ пролеткѣ, повернулся. Онъ оказался переодѣтымъ другомъ, закричавшимъ: «Сюда, сюда, скорѣе!» На улицѣ стоялъ еще одинъ часовой, но къ нему былъ командированъ одинъ изъ участниковъ заговора, который завязалъ съ нимъ разговоръ на ученныя темы, и солдатъ упустилъ моментъ. Между тѣмъ, вышколенный призовой рысакъ, пріобрѣтенный для этой цѣли, понесся во всю прыть. Кн. Кропоткинъ одѣлъ пальто и цилиндръ, приготовленные для него, и полетѣлъ по направленію къ Невскому. Два жандарма, стоявшіе у воротъ питейнаго заведенія, отдали даже честь товарищу бѣглеца, такъ какъ онъ былъ въ военной фуражкѣ.

Погони не было. На версту кругомъ, тюрьмы не было ни одного извозчика, такъ какъ всѣхъ ихъ наняли заблаговременно друзья кн. Кропоткина. Караульный офицеръ бросился, было, къ вагону конки и потребовалъ у кондукторовъ выпрячь лошадей и дать ему ихъ, но кондуктора наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе.

Кн. Кропоткинъ только на одну минуту заѣхалъ въ квартиру своей родственницы, устранившей побѣгъ, отослалъ лошадь и пролетку и въ извозничьей каретѣ отправился на острова. Спустя два часа въ квартирѣ родственницы уже производила обыскъ полиція. У всѣхъ знакомыхъ кн. Кропоткина были произведены обыски, его карточка была распространена Третьимъ Отдѣленіемъ между полицейскими и дворниками въ сот-

няхъ экземпляровъ. По городу рыскали сыщики, знавшіе бѣглеца въ лицо, тѣ же, которые не знали его, бродили въ сопровожденіи солдатъ и стражниковъ, видѣвшихъ его въ тюрмѣ.

Когда производили столь тщательные розыски, кн. Кропоткинъ съ другомъ сидѣлъ преспокойно у Донона, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Они рѣшили, что въ модномъ ресторанѣ никому не придется въ голову искать бѣглеца, политическаго преступника. Нѣсколько дней кн. Кропоткинъ прожилъ въ деревнѣ подъ столицей, а затѣмъ съ чужимъ паспортомъ, въ сопровожденіи одного друга, онъ проѣхалъ въ Финляндію, добрался до отдаленнаго порта въ Ботническомъ заливѣ и переправился въ Швецію. Гнѣвъ Третьяго Отдѣленія обрушился на женщинъ. Жандармы арестовали и продержали двѣ недѣли въ тюрмѣ сестру кн. Кропоткина; та же участь постигла и его свояченицу, жену извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго. Подъ именемъ Левашова, черезъ Христіанію кн. Кропоткинъ отправился сначала въ Лондонъ, а оттуда въ Эдинбургъ.

Если бы кн. Кропоткину не удалось бѣжать за границу, его, по всей вѣроятности, постигла бы участь главныхъ обвиняемыхъ по «дѣлу 193-хъ», Ковалика, Рогачева, Войноральскаго, то-есть лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Составители обвинительнаго акта по «дѣлу 193-хъ» считали его главнымъ вдохновителемъ всего революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, и этотъ взглядъ нельзя не признать справедливымъ. Кропоткинъ несомнѣнно оказалъ на молодежь большое вліяніе, чѣмъ Чайковскій, хотя и оставался въ тѣни, не искалъ роли руководителя, не стремился къ популярности.

Перу Кропоткина принадлежитъ записка: «Должны-ли мы заниматься разсмотрѣніемъ иде-

ала будущаго строя?», вошедшая въ обвинительный актъ въ качествѣ одного изъ главныхъ документовъ, компрометирующихъ пропагандистовъ. Обвинитель такимъ образомъ излагаетъ содержаніе «записки»:

«Доказавъ цѣлымъ рядомъ доводовъ непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, авторъ предоставляетъ народу разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный социальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій социальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными.

«Для подготовленія социальной революціи въ Россіи необходимо образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія во взаимныхъ отношеніяхъ, и въ то же время признаніе обмана и насилія вполне разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена, главнымъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и на усиленіе недовольства противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запиской.

Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители упомянутой молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей будущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполне въ положеніе рабочаго.

«Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболее надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами социальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ.

«Кромѣ усиленной пропаганды, признанной наиболее цѣлесообразною, авторъ допускаетъ пропаганду и литературную, въ видахъ которой организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ родѣ рассказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго социальнаго строя и т. д. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ.

«Мѣстныя волненія между рабочими и крестьянами и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для народа воспитательное значеніе въ революціонномъ смыслѣ. почему, не совѣтуя

агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя коренного переворота, — авторъ находитъ, тѣмъ не менѣе, полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественнымъ путемъ.

«Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношеніе русской революціонной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секціи федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ полной солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиваться среди русскаго народа».

Кромѣ составленія выше приведенной записки, главнѣйшія положенія которой съ небольшими оговорками были одобрены на сходкахъ пропагандистовъ и послужили программой ихъ дѣятельности, кн. Кропоткинъ обвинялся въ пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, чтенія лекцій и т. д. Очень суровая судьба постигла его брата Александра. Послѣдній не былъ ни нигилистомъ, ни революціонеромъ, ни даже крайнимъ радикаломъ, его взгляды считались бы вездѣ весьма умѣренными, и въ русскомъ революціонномъ движеніи онъ не принималъ никакого участія.

Князь А. Кропоткинъ былъ арестованъ впервые въ 1858 году, въ бытность студентомъ петербургскаго университета. При обыскѣ у него была найдена книга Эмерсона „Self-Reliance“ и онъ не хотѣлъ сказать, откуда взялъ ее. Онъ получилъ эту книгу отъ проф. Тихонравова и несомнѣнно избѣжалъ бы всякихъ неприятно-

стей, если бы просто заявилъ объ этомъ, но это не соотвѣтствовало его понятіямъ о чести. Когда профессоръ Тихонравовъ узналъ объ его арестѣ, онъ самъ отправился къ ректору и заявилъ, что книга взята у него, и студента освободили.

По окончаніи курса кн. А. Крпоткинъ жилъ нѣкоторое время за границей, гдѣ занимался науками и по преимуществу астрономіей; по возвращеніи въ Россію онъ получилъ видный постъ по почтово-телеграфному вѣдомству, но вышелъ въ отставку. Какъ упомянуто выше, онъ былъ арестованъ и, такъ какъ оказалось невозможнымъ предъявить къ нему какое-либо определенное обвиненіе, то онъ былъ сосланъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ.

Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ ему Минусинскъ, куда послѣдовала его молодая жена. Тамъ онъ прожилъ 4—5 лѣтъ и нашелъ себѣ товарища и друга въ лицѣ натуралиста Мартьянова. Они бродили по окрестностямъ города, собирали геологическія и ботаническія коллекціи. Имъ Минусинскъ обязанъ своимъ музеемъ, пользующимся извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ.

Изъ Минусинска кн. А. Крпоткинъ былъ переведенъ въ Томскъ, гдѣ прожилъ около семи лѣтъ. Срокъ его ссылки истекалъ 9-го сентября 1881 года. Онъ уже собирался вернуться въ Россію и даже отправилъ въ Харьковскую губернію къ роднымъ жену и дѣтей, но вдругъ затосковалъ и 25-го іюля, около 9 часовъ вечера, застрѣлился изъ револьвера.

Повидимому, главною причиною столь рокового шага кн. Крпоткина была тревога по поводу отсутствія средствъ къ жизни. Въ долгій періодъ жизни въ Сибири онъ прожилъ почти все свое значительное состояніе, на 45 году ему пришлось задуматься, на что содержать семью. При

этомъ онъ получилъ нѣсколько телеграммъ отъ родныхъ, которыя онъ истолковывалъ въ дурную сторону, и кн. А. Кропоткинъ покончилъ съ собою.

Кн. П. Кропоткинъ предполагалъ пробыть за границей нѣсколько мѣсяцевъ, дать улечься суматохъ, поднятой его побѣгомъ, возстановить свое здоровье и возвратиться на родину, но судьба рѣшила иначе. Его захватила волна анархическаго движенія. Такъ какъ, по его мнѣнью, социалистъ долженъ всегда жить своимъ собственнымъ трудомъ, то, поселившись въ маленькой комнаткѣ въ предмѣстьи Эдинбурга, онъ сталъ писать замѣтки для журнала „Nature“. Хотя его англійскій языкъ сначала оставлялъ желать много лучшаго, но работа доставляла ему небольшой гонораръ. Онъ сталъ посылать замѣтки о русскихъ географическихъ экспедиціяхъ въ „Times“. Литературный трудъ послужилъ для него большимъ подспорьемъ, такъ какъ его деньги быстро таяли.

Въ Лондонѣ кн. Кропоткинъ познакомился съ Лавровымъ, издававшимъ въ это время еще свой «Впередъ», и подружился съ нимъ, но, какъ только ему удалось найти постоянную географическую работу, онъ сейчасъ же переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ присоединился къ юрской федераціи международнаго союза рабочихъ и поселился въ Шодефонъ.

Когда кн. Кропоткинъ пріѣхалъ въ Швейцарію, юрская федерація была центромъ и наиболѣе извѣстнымъ выразителемъ «Интернаціонала». Сейчасъ же послѣ франко-прусской войны «Интернаціональ» создалъ себѣ центральное правленіе въ лицѣ генеральнаго совѣта, пребывавшаго въ Лондонѣ. Душой совѣта были два нѣм-

ца: Марксъ и Энгельсъ, и онъ вскорѣ сталъ главною крѣпостью новаго соціалъ-демократическаго движенія, поставившаго своимъ лозунгомъ завоеваніе власти въ существующемъ государствѣ. Первые успѣхи этой партіи на выборахъ въ рейхстагъ возбудили большія надежды. Число депутатовъ соціалъ-демократовъ было сперва два, потомъ семь, потомъ девять, статистики вычисляли, что въ концѣ XIX в. соціалъ-демократы будутъ имѣть большинство въ германскомъ парламентѣ и путемъ законодательныхъ мѣръ смогутъ установить народное соціалистическое государство. Въмѣсто общественнаго строя, который долженъ выработаться самими рабочими организаціями, былъ выставленъ идеаль государственный завѣдыванія промышленностью, то есть государственный соціализмъ или, вѣрнѣе, государственный капитализмъ.

Мало-по-малу дѣятельность германской соціалъ-демократіи совершенно подчинилась выборнымъ соображеніямъ. На трэдъ-уіоны она смотрѣла съ презрѣніемъ, къ стачкамъ относилась неодобрительно, къ каждому же народному движенію и къ каждой революціонной агитаціи соціалъ-демократическіе вожди относились еще болѣе враждебно, чѣмъ капиталистическая печать.

Въ латинскихъ странахъ новое теченіе нашло

въ латинскихъ странахъ новое теченіе нашло весьма мало послѣдователей. Секціи и федераціи «Интернаціонала» оставались вѣрны принципамъ, которые были установлены при возникновеніи союза. Федералисты по своей исторіи враждебны мысли о централистическомъ государствѣ, и, обладая при томъ революціонными традиціями, латинскіе рабочіе не желали послѣдовать за эволюціей, происходившей у нѣмцевъ. Вдохновителемъ и умственнымъ вождемъ латинскихъ федерацій сталъ Бакунинъ.

Разладъ между марксистами и бакунистами представлялъ собою неизбежное столкновение между принципами федерализма и централизаціи, между свободной коммуной и отеческимъ управленіемъ государства, между свободнымъ творчествомъ народныхъ массъ и законодательнымъ улучшеніемъ существующихъ условій, созданныхъ капиталистическимъ строемъ. То было столкновение между латинскимъ духомъ и германскимъ „Geist“, который, разбивъ Францію на полъ битвы, добивался теперь главенства въ области науки, политики, философіи, а также и социализма, противопоставляя свое «научное» пониманіе социализма «утопическому» социализму другихъ.

Поселившись въ Шодэфонъ, кн. Кропоткинъ принялъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ анархизма. Тамъ устраивались многочисленныя сходки, разъ въ недѣлю собиралась секція. Ея главные руководители, къ числу которыхъ принадлежалъ русскій эмигрантъ, отправлялись часто проповѣдывать анархизмъ на собранія, созываемыя политическими партіями. Кн. Кропоткину пришлось разъѣзжать очень много, навѣщая другія секціи, которымъ онъ помогалъ. Часто онъ навѣщалъ Невшатель, гдѣ издавалась главная газета союза: „Bulletin de la Fédération Jurasienne“, редакторомъ которой состоялъ другъ кн. Кропоткина и покойнаго Бакунина, Джемсъ Гильомъ.

Въ юрской федераціи было очень мало русскихъ, такъ какъ большинство эмигрантовъ присоединились съ социаль-демократической партіей. Кромѣ кн. Кропоткина въ союзъ изъ русскихъ участвовали другъ Герцена, Н. И. Жуковский, эмигрантъ, оставившій Россію въ 1863 г., и бывшій офицеръ генеральнаго штаба Н. В. Со-

коловъ, обратившій на себя вниманіе своими статьями въ «Русскомъ Словѣ» и др.

Анархисты устроили въ Шедефонѣ кооперативную мастерскую, въ которой заработки распределялись поровну между участниками. Бернская полиція запретила, однако, носить на улицахъ красное знамя. Юрская федерація устроила тогда демонстрацію въ Бернѣ въ день годовщины парижской коммуны и отправилась по улицамъ съ красными знаменами. Произошло столкновение съ полиціей, во время котораго было ранено нѣсколько человекъ. Тридцать швейцарскихъ гражданъ было привлечено къ судебной отвѣтственности, но приговоръ былъ, сравнительно, мягкій и не превышалъ трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія.

Послѣ вышеописанной демонстраціи бернское правительство воспретило красное знамя во всемъ кантонѣ. Тогда юрская федерація рѣшила выступить съ нимъ въ Сентъ-Имье, гдѣ долженъ былъ состояться годичный конгрессъ, и защищать свое знамя съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ анархисты явились на съѣздъ вооруженные, но до столкновения съ войсками не дошло, такъ какъ въ послѣднюю минуту мэръ, желая избѣжать кровопролитія, позволилъ процессіи пройти спокойно по улицамъ города.

Въ такихъ «занятіяхъ» проходило время кн. Кропоткина. Въ Швейцаріи складывались окончательно его міровоззрѣніе и его программа, которую онъ самъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы замѣчаемъ, что среди культурныхъ націй зарождается новая форма общества на смѣну старой,—общество равныхъ между собою. Члены его не будутъ болѣе вынуждены продавать свой трудъ и свою мысль тѣмъ, которые теперь нанимаютъ ихъ по своему личному усмотрѣнію. Они

смогутъ прилагать свои знанія и способности къ производству на пользу всѣхъ, и для этого они будутъ складываться въ организмы, такъ устроенные, чтобы сочетать наличныя силы для производства наивозможно большей суммы благосостоянія для всѣхъ, причемъ въ то же время личному почину будетъ предоставленъ полнѣйшій просторъ. Это общество будетъ состоять изъ множества ассоціацій, объединенныхъ между собою для всѣхъ цѣлей, требующихъ объединенія: изъ промышленныхъ федерацій для всякаго рода производствъ, земледѣльческаго, промышленнаго, умственнаго, художественнаго и изъ потребительныхъ коммунъ, которыя займутся всѣмъ, касающимся, съ одной стороны, устройства жилищъ и санитарныхъ улучшеній, а съ другой—снабженіемъ всего, касающагося пищи, одежды и прочаго.

«Возникнутъ также федерации коммунъ между собою—потребительныхъ коммунъ съ производственными ассоціаціями. И, наконецъ, возникнутъ еще болѣе широкіе союзы, покрывающіе всю страну, или нѣсколько странъ, члены которыхъ будутъ соединяться для удовлетворенія экономическихъ, умственныхъ, художественныхъ и нравственныхъ потребностей, не ограничивающихся одною только странюю. Всѣ эти общины будутъ соединяться по свободному соглашенію между собою. Такъ уже работаютъ теперь сообща желѣзнодорожныя компаніи или же почтовыя учрежденія различныхъ странъ, не имѣя цетрального желѣзнодорожнаго или почтоваго департамента... Такъ же дѣйствуютъ метеорологическія учрежденія, горныя клубы, англійскія спасательныя станціи, кружки велосипедистовъ, преподавателей, литераторовъ и такъ далѣе, соединяющіеся для всякаго рода общей работы, а то, попросту, и для удовольствія,

«Развитію новыхъ формъ производства и всевозможныхъ организацій будетъ предоставлена полная свобода; личный починъ будетъ поощряться, а стремленіе къ однородности и централизаціи будетъ задерживаться. Кромѣ того, это общество не будетъ закристаллизовано въ какую-нибудь неподвижную форму: оно будетъ, напротивъ, непрерывно измѣнять свой видъ, потому что оно будетъ живой, развивающійся организмъ. Ни въ какомъ правительствѣ не будетъ представляться тогда надобности, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые правительство теперь считаетъ подлежащими своей власти, его замѣнятъ вполнѣ свободное соглашеніе и союзный договоръ, случаи же столкновеній неизбежно уменьшатся, а тѣ, которые будутъ возникать, могутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ...

«Мы понимали, что ходячіе взгляды на необходимости частной собственности, на землю, фабрики, копи, жилища и такъ далѣе, для развитія промышленнаго прогресса и на систему заработной платы, какъ на средство заставить людей работать — еще не скоро уступятъ мѣсто болѣе высокимъ понятіямъ объ общественной собственности и производствѣ. Мы знали, что предстоитъ утомительный періодъ пропаганды, затѣмъ долгая борьба и рядъ индивидуальныхъ и коллективныхъ возмущеній противъ нынѣшней формы владѣнія собственностью, что нужны личныя жертвы, отдѣльныя попытки переустройства и мѣстныя революціи прежде, чѣмъ измѣнятся установившіеся теперь взгляды на собственность. Тѣмъ болѣе понимали мы, что культурные народы не захотятъ и не смогутъ отказаться разомъ отъ господствующихъ теперь идей о необходимости власти, на которыхъ мы всѣ воспитались. Понадобятся многолѣтняя пропаганда и длинный рядъ отдѣльныхъ возмущеній

противъ властей, а также полный пересмотръ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя извлекаются теперь изъ исторіи прежде, чѣмъ люди поймутъ, какъ они ошибались, когда приписывали своему правительству и законамъ то, что въ дѣйствительности является результатомъ ихъ собственныхъ привычекъ и общественныхъ инстинктовъ. Мы знали все это, но мы знали также, что, проповѣдуя преобразованія въ обоихъ этихъ направленіяхъ, — мы будемъ идти съ прогрессомъ, а не противъ него.

«Мы, конечно, предвидѣли, что при полной свободѣ мысли и дѣйствія для каждой личности мы неизбежно встрѣтимся съ нѣкоторымъ крайнимъ преувеличеніемъ нашихъ принциповъ. Я видѣлъ уже нѣчто подобное въ русскомъ нигилизмѣ, но мы рѣшили, что сама общественная жизнь при наличности открытой и прямой критики устранить понемногу крайнія преувеличенія...

«Въ человѣчествѣ есть ядро общественныхъ привычекъ, доставшееся ему по наслѣдству отъ прежнихъ временъ и недостаточно еще оцѣненное. Не по принужденію держатся эти привычки въ обществѣ, такъ какъ онѣ выше и древнѣе всякаго принужденія, но на нихъ основанъ весь прогрессъ человѣчества, и до тѣхъ поръ, пока оно не начнетъ вырождаться физически и умственно, эти привычки не могутъ быть уничтожены ни критикой людей, отрицающихъ ихъ ходячую нравственность, ни временнымъ возмущеніемъ противъ нихъ...

«Мы понимали въ то же время, что необходимыя перемѣны въ этомъ направленіи не могутъ быть вызваны однимъ какимъ-нибудь человекомъ, хотя бы и самымъ гениальнымъ. Онѣ явятся результатомъ не научнаго откровенія, а послѣдствіемъ созидательной работы самихъ на-

родныхъ массъ. Народными массами, не отдѣльными геніями, были выработаны средневѣковое обычное право, деревенская община, артель, гильдія, средневѣковой городъ и основы международнаго права...

«Мало-по-малу я пришелъ къ заключенію, что анархизмъ нѣчто большее, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ идеаль свободнаго общества. Онъ представляетъ собою философію, какъ природы, такъ и общества, которая должна быть развита совершенно другимъ путемъ, чѣмъ діалектическимъ или метафизическимъ методомъ, примѣнявшимся въ былое время къ наукамъ, рассуждавшимъ о человѣкѣ. Я видѣлъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣми же методами, какіе примѣняются въ естественныхъ наукахъ, но не на скользкой почвѣ простыхъ аналогій, какъ дѣлаетъ это Гербертъ Спенсеръ, но на солидномъ фундаментѣ индукціи, примѣненной къ человѣческимъ учрежденіямъ».

V.

Конгрессъ въ Гентѣ.—Бѣгство въ Англию.—Пробываніе въ Парижѣ.—Журналъ „Le Révolté“.—Участіе въ людскихъ беспорядкахъ.—Судъ и новое тюремное заключеніе.—Амнистія.—Главные произведенія кн. Кропоткина и ихъ значеніе.

Дальнѣйшая судьба знаменитаго русскаго эмигранта, здравствующаго и работающаго за границей до сихъ поръ, слѣдующая. Въ 1877 г. онъ принималъ участіе въ международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Гентѣ, гдѣ возставалъ противъ попытки нѣмецкихъ социаль-демократовъ захватить все рабочее движеніе въ Европѣ въ одну организацію съ центральнымъ комитетомъ во главѣ.

Кн. Кропоткинъ работалъ въ томъ же направленіи на всѣхъ многочисленныхъ социалистическихъ конгрессахъ, происходившихъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Онъ отстаивалъ автономію рабочихъ организацій въ латинскихъ странахъ и противился осуществленію централизованнаго проекта.

Послѣ вышеупомянутаго гентскаго конгресса онъ долженъ былъ бѣжать въ Англию, такъ какъ бельгійскія власти собирались арестовать его за нарушеніе полицейскихъ постановленій, которое онъ совершилъ, назвавшись въ гостиницѣ вымышленнымъ именемъ. Друзья предупредили кн.

Кропоткина во-время объ угрожающемъ ему арестѣ.

Пробывъ самое непродолжительное время въ Лондонѣ, кн. Кропоткинъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ принялъ живое участіе въ начинавшемъ пробуждаться послѣ усмиренія коммуны рабочемъ движеніи и участвовалъ въ образованіи первыхъ социалистическихъ группъ. Въ 1878 г. парижская полиція арестовала нѣсколько товарищей кн. Кропоткина, которые были приговорены полицейскимъ судомъ къ полутора годамъ тюрьмы за участіе въ «Интернаціоналѣ». Кн. Кропоткинъ избѣжалъ ареста только благодаря случайности. Полиція разыскивала Левашова и даже арестовала одного студента съ похожею фамиліею, но такъ какъ кн. Кропоткинъ прописался подъ собственною фамиліею, не извѣстную полиціи, то его оставили въ покоѣ.

Спустя нѣсколько недѣль онъ уѣхалъ въ Швейцарію. Въ 1878 г. произошли одно за другимъ четыре покушенія на коронованныхъ лицъ. Рабочій Гедель, а вслѣдъ за нимъ докторъ Нобилингъ стрѣляли въ германскаго императора, Олива Монкачи совершилъ покушеніе на испанскаго короля Альфонса XII, а поваръ Пассанте бросился съ ножомъ на Виктора-Эммануила.

Правительства стали упрекать Швейцарію въ томъ, что она даетъ убѣжище революціонерамъ.

Редакторъ официальной газеты федераціи „*Avant - Garde*“, Поль Брусь, былъ арестованъ и присужденъ къ тюремному заключенію и изгнанію изъ Швейцаріи на 10 лѣтъ. Редакторъ другой газеты федераціи, издававшей ее въ теченіе восьми лѣтъ, Джемсъ Гильомъ, незадолго передъ тѣмъ уѣхалъ во Францію, другіе руководители союза отстали отъ движенія или эмигрировали и партійный журналъ было редактировать нѣкому, кромѣ кн. Кропоткина, и вотъ съ фе-

враля 1879 года онъ начинаетъ издавать въ Женевѣ двухнедѣльную партійную газету „Le Révolté“.

Ея тиражъ достигъ въ скоромъ времени 2000 экземпляровъ, въ то время, какъ прежнія изданія печатались въ 500—600 экзempl. Послѣ выхода въ свѣтъ пятого номера владѣльцу типографіи, въ которой печаталась газета кн. Кропоткина, женевское правительство объявило, что если онъ будетъ продолжать печатать „Le Révolté“ ему нечего рассчитывать на правительственные заказы. К. обратился въ другія типографіи, но вездѣ получался тотъ же отвѣтъ: правительство оповѣстило всѣхъ типографщиковъ, что лишитъ ихъ своихъ заказовъ, разъ они станутъ вести дѣла съ „Le Révolté“.

По совѣту одного изъ своихъ сотрудниковъ, кн. Кропоткинъ устроилъ въ долгъ собственную типографію и въ ней напечаталъ шестой номеръ, въ которомъ оповѣстилъ читателей о своихъ затрудненіяхъ и просилъ поддержать его. Посыпались мелкія серебряныя, а то и мѣдныя монеты, и долгъ по типографіи былъ уплаченъ въ трехмѣсячный срокъ.

Впослѣдствіи газета была перенесена въ Парижъ, гдѣ существуетъ до сихъ поръ подъ названіемъ „Temps Nouveaux“. Въ Женевѣ у кн. Кропоткина былъ всего только одинъ наборщикъ, малороссъ по происхожденію и притомъ не знавшій французскаго языка. Несмотря на это, кромѣ газеты, кн. Кропоткинъ печаталъ въ своей типографіи массу маленькихъ брошюръ въ одинъ, два су, которыя расходились десятками тысячъ и переводились на всѣ языки.

Газета кн. Кропоткина, пока президентомъ французской республики былъ Макъ-Магонъ, была воспрещена во Франціи.

Къ этому времени относится знакомство и

дружба кн. Кропоткина съ извѣстнымъ анархистомъ и не менѣе извѣстнымъ географомъ Элизе Реклю, ставшимъ сотрудникомъ въ его газетѣ. Въ свою очередь, Реклю пригласилъ кн. Кропоткина помогать ему въ составленіи тома его монументальной географіи, посвященнаго Азіатской Россіи. Такъ какъ здоровье жены кн. Кропоткина (онъ женился въ Женевѣ) было плохо, и доктора велѣли ей немедленно оставить Женеву съ ея холодными вѣтрами, то весною 1880 г. кн. Кропоткинъ переѣхалъ въ Кларанъ, гдѣ жилъ въ то время Реклю. Тамъ онъ занимался географическими трудами и анархическою пропагандою, пока, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства императора Александра II, онъ не былъ изгнанъ изъ Швейцаріи, по приказу федеральнаго правительства

Въ Петербургѣ въ это время образовалась лига спасенія, одинъ изъ членовъ которой поклялся ѣздить въ Швейцарію и убить кн. Кропоткина. Въ нѣкоторыхъ сферахъ К. считали главнымъ виновникомъ покушенія на жизнь Александра II, хотя фактически эмигрантъ не принималъ въ этомъ дѣлѣ ровно никакого участія и даже не зналъ о замыслахъ народовцевъ. Изгнанный изъ Женевы, онъ переѣхалъ на Савойскій берегъ озера въ Топонъ, гдѣ жилъ нѣкоторое время, пока его жена держала экзамены въ женевскомъ университетѣ на степень бакалавра естественныхъ наукъ, послѣ чего переѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ онъ встрѣтился съ Чайковскимъ, и, какъ въ былые годы, они начали пропаганду среди англійскихъ рабочихъ. Кн. Кропоткинъ читалъ лекціи о русскомъ движеніи въ Ньюкастлѣ, Глазго и Эдинбургѣ, но, вообще, пропаганда успѣха не имѣла. Слушателей набиралось до смѣшного мало, рѣдко больше десятка человекъ. Кн. Кропоткинъ чувствовалъ себя до такой степени оди-

ноко въ Лондонѣ, и всѣ его усилія поднять социалистическое движеніе въ Англіи казались настолько безнадежными, что онъ рѣшилъ оставить Лондонъ.

Осенью 1882 года кн. Кропоткинъ опять поселился въ Топонъ, откуда продолжалъ редактировать „Le Révolté“ и гдѣ писалъ статьи для «Британской Энциклопедіи» и „Newcastle Chronicle“.

Въ декабрѣ у кн. Кропоткина былъ произведенъ обыскъ, а въ ночь на 21 декабря онъ былъ арестованъ и преданъ суду вмѣстѣ съ лионскими рабочими, по обвиненію въ принадлежности къ интернаціональной рабочей ассоціаціи, что было воспрещено французскимъ закономъ, изданнымъ вскорѣ послѣ паденія коммуны. Кн. Кропоткинъ и трое рабочихъ были приговорены къ пятилѣтнему тюремному заключенію, остальные обвиняемые на срокъ отъ одного года до 4-хъ лѣтъ.

Опять потянулись длинные мѣсяцы заключенія. Кн. Кропоткинъ содержался сначала въ Лионской тюрьмѣ, а затѣмъ въ центральной тюрьмѣ, въ Клэрво, гдѣ онъ писалъ статьи для „Encyclopaedia Britannica“ и для „Nineteenth Century“. Парижская академія наукъ и Эрнестъ Ренанъ предоставили въ распоряженіе заключеннаго свои бібліотеки. Общественное мнѣніе Франціи, вообще, приняло его сторону. Почти одновременно съ русскимъ эмигрантомъ была осуждена «за грабежъ» Луиза Мишель, и какъ въ печати, такъ и въ палатѣ депутатовъ поднимался постоянно вопросъ объ освобожденіи ея и кн. Кропоткина. Въ 1885 году декретомъ Гриви были освобождены всѣ осужденные вмѣстѣ съ нимъ, но кн. Кропоткинъ и Луиза Мишель все оставались въ тюрьмѣ, и премьеръ Фрейсинэ, отвѣчая на запросъ въ палатѣ, прямо заявилъ,

что «дипломатическія осложненія препятствуютъ освобожденію кн. Кропоткина».

Только въ серединѣ января кн. Кропоткинъ съ тремя товарищами и Луиза Миг были освобождены. Кн. Кропоткинъ съ женою уѣхалъ сначала въ Парижъ, а затѣмъ въ Лондонъ, гдѣ встрѣтился съ Чайковскимъ, Степнякомъ и другими друзьями и принялъ дѣятельное участіе въ социалистическомъ движеніи, которое въ это время началось въ Англии. Онъ началъ издавать анархическій журналъ „Freedom“ и принялся за разработку теоріи анархизма. Когда онъ еще находился въ Кларво, его другъ, Элизе Реклю, собралъ и издалъ отдѣльною книгою его передовыя статьи подъ заглавіемъ „Paroles d'un Révolté“ («Рѣчи бунтовщика»). Онѣ представляютъ собою часть работы. Ихъ продолженіемъ явилась вторая книга, написанная уже въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: „La conquête du Pain“ («Хлѣбъ и воля»).

Послѣдняя книга и есть главное произведеніе кн. Кропоткина, и вышла въ Парижъ въ 1892 г. Кромѣ упомянутыхъ уже «Рѣчей бунтовщика», его перу принадлежитъ „L'Anarchie dans l'évolution Socialiste“, «Записки революціонера» и около десятка другихъ произведеній, не считая специальныхъ сочиненій по физической географіи.

Кн. Кропоткинъ выдающійся теоретикъ, и въ его міровоззрѣніи анархическая мысль достигла апогея своего развитія. Современный анархизмъ, главнымъ творцомъ котораго является кн. Кропоткинъ, разнится въ отношеніи тактики отъ бакунинскаго тѣмъ, что окончательно и категорически порвалъ связь съ системой заговоровъ.

15765

И С Т О Ч Н И К И.

- П. Кропоткинъ.**—«Записки революціонера». Изд. «Свободная Мысль».
- П. Кропоткинъ.**—«Рѣчи бунтовщика». С.-Петербургъ, 1906.
- Л. Кульчицкій.**—«Современный анархизмъ». Петербургъ, 1906.
- Ценкеръ.**—«Анархизмъ». Изд. «Свободная Мысль». Москва, 1906.
- С. Степнякъ.**—«Подпольная Россія». Петербургъ, 1906.
-